

INSPIRIA

ВОДНЫЕ

ЭВА ГАРСИА САЗНС ДЕ УРТУРИ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Испания

Эва Гарсиа Саэнс де Уртури
Водные ритуалы

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

Гарсиа Саэнс де Уртури Э.

Водные ритуалы / Э. Гарсиа Саэнс де Уртури — «Эксмо»,
2017 — (Ток. Национальный бестселлер. Испания)

ISBN 978-5-04-168106-7

Национальный бестселлер Испании. Книга издана на 20 языках в 40 странах мира. Продолжение международного хита «Жало Белого города», экранизированного Netflix. Тем, кто дарует новую жизнь, уготована древняя смерть... 2016 год, Страна Басков. Жестоко убита художница Ана Белен Лианьо. Девушку принесли в жертву по древнему кельтскому обряду, именуемому Водными ритуалами: оглушили, подвесили на дереве и утопили в котле бронзового века. Она была беременна... 1992 год. Будущий инспектор полиции Унаи Лопес де Айяла по прозвищу Кракен и трое его лучших друзей работают на археологической практике. Там они встречают загадочную художницу, которая становится первой любовью для всех четверых. И главной тайной для всех них... 2016 год. Кракен должен остановить серийного убийцу, имитирующего кельтские обряды смерти, жертвами которых становятся люди, ожидающие ребенка. Избранница инспектора беременна. И теперь им обоим грозят Водные ритуалы... Подробные описания улиц, кафе и достопримечательностей из книг серии легли в основу реальных тематических экскурсий «Белый город», которые сейчас проводятся под эгидой муниципалитета Витории. «Подобно тому, как Кара Блэк или Донна Леон изображают Париж или Венецию в своих таинственных сериях, де Уртури с любовью изображает уникальный и чарующий город, переплетая баскский фольклор и культуру с очень сложной и богатой историей». – BookPage «Впечатляет по масштабу и глубине». – Kirkus Reviews «Ошеломляюще... Завораживающий местный колорит, красиво проработанный сюжет и превосходные описания характеров делают эту книгу выдающейся. Читатели с нетерпением будут ждать следующей книги в серии». – Publishers Weekly

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-168106-7

© Гарсиа Сазнс де Уртури Э., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	9
1. Гора Дóбра	11
2. Съерра Айзкорри-Арац	12
3. Граница злодеев	16
4. Часовня Сан-Адриан	21
5. Кантабрийская деревня	25
6. Кантон Соледад	28
7. Площадь Белой Богородицы, 2	34
8. Детский сад на бульваре Сенда	37
9. Лакуа	42
10. Сквер у стены	48
11. Кладбище Санта-Исабель	52
12. Остров Мэн	57
13. Чагорричу	61
14. Пляж Портио	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Эва Гарсиа Саэнс Де Уртури

Водные ритуалы

Eva Garcia Sáenz de Urturi
LOS RITOS DEL AGUA

© Eva Garcia Sáenz de Urturi, 2017

© Беленькая Н.М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2022

* * *

ЭВА ГАРСИА САЭНС ДЕ УРТУРИ

ВОДНЫЕ
РИТУАЛЫ

INSPIRIA

Москва

2022

Моим детям, ибо вы никогда не будете жить там, где обитает забвение.

Величайшая уловка дьявола состоит в том, чтобы убедить вас в своем несуществовании.

Из диалога в фильме «Подозрительные лица»; приписывается Шарлю Бодлеру

Пролог

Туннель Сан-Адриан

7 ноября 2016 года, четверг

– Я беременна, Унаи. С августа, – прошептала Альба, наблюдая за выражением моего лица. – С праздника Белой Богородицы.

Помню, как меня потрясло это признание. Улыбка озарила весь мой тусклый ноябрь. Альба беременна. От меня.

Я мысленно прикинул: четырнадцать недель. Этот ребенок прожил дольше, чем мои близнецы. Четырнадцать недель. Опасности первого триместра миновали. Сын, дочь... Мы с Альбой станем родителями.

Я закрыл глаза; мне хотелось продлить этот миг, самый счастливый за последние годы. Повернул голову к панорамному окну у меня в гостиной; снаружи виднелась Витория – при- тихшая, размытая дождем. Я едва различал белые балконы на той стороне площади Белой Богородицы. Город не казался печальным, пылающий внутри меня жар согрел бы целую все- ленную.

Но, взглянув на ее лицо, я уловил во взгляде немое предупреждение – она вот-вот сооб- щит мне плохую новость.

«Что?» – спросил я, ничего не понимая. – В чем дело? Знаю, это не повод сойтись и быть вместе, но...»

Альба сжала мои пальцы, набиравшие текст на экране.

– Я пока не знаю, чей это ребенок – твой или Нанчо.

Упоминание о бывшем муже и эхо, которое оно во мне вызывало, вспыхнули где-то в моем мозгу и опустошили меня, как разрыв снаряда. Значит, Нанчо мертв, но его семя живет в чреве Альбы?

Для тех, кто не знает мою предыдущую историю, кратко поясню: меня зовут Унаи Лопес де Айяла, я работаю психологом-криминалистом в отделе уголовного розыска полицейского участка Витории. На самом деле все знают меня как Кракена. Я страдаю афазией Брока: серий- ный убийца из предыдущего дела, которое я раскрыл, в последний момент опередил меня и всадил мне пулю в голову¹. Я все еще не могу говорить членораздельно, только мычу, если меня переполняют эмоции. Тем не менее успешно общаюсь с людьми благодаря экрану мобиль- ного телефона.

Это я как раз сейчас и пытался проделать с моим начальником, заместителем комиссара Альбой Диас де Сальватьерра, женщиной, которая... короче, той самой женщиной. И в этот момент, худший из всех возможных, я получил сообщение по «Ватсапу» от Эстибалис, моей напарницы. Мысленно чертыхнулся, проклиная Эсти за несвоевременное вмешательство.

«Кракен, прости, что отвлекаю. Надеюсь, у тебя всё в порядке, но техники из отдела экс- пертизы изучают место преступления в алавесском районе туннеля Сан-Адриан. У замести- теля комиссара Сальватьерры отключен телефон. Я бы хотела, чтобы ты поехал со мной, это важно».

Я кивнул Альбе, чтобы она тоже прочитала сообщение.

Мы обеспокоенно переглянулись, Альба поспешно вытащила из кармана пальто мобиль- ник и включила.

«Эсти, мне жаль, но помочь тебе я не могу, я все еще на больничном. Заместитель комиссара сейчас тебе перезвонит. Кстати, что у тебя там?» – написал я.

¹ Здесь и далее о событиях недавнего прошлого действующих лиц см. роман «Жало Белого города».

«Молодая женщина, тело подвешено на веревке за ноги, предполагаемая причина смерти – утопление».

«*Она что, утопилась на вершине горы?*» – отреагировал я: психолог-криминалист во мне мигом навострил уши, услышав подобную чепуху.

«Представь себе, Кракен. Тело по плечи погружено в бронзовый котел, наполненный водой. Предмет явно из археологического музея; надо бы проконсультироваться с экспертом, но на вид это котел эпохи кельтов. Очень странная смерть, невероятный сценарий. Это не просто убийство, Кракен. Хочу попросить заместителя комиссара поговорить с судьей Олано, чтобы тот разрешил тебе присутствовать при осмотре в качестве эксперта. Надеюсь, я ошибаюсь и нам больше не придется сталкиваться с серийным убийцей, но ты – один из лучших специалистов по профайлингу преступников, которых я знаю, и, если мне поручат это дело, было бы здорово, если б ты меня проконсультировал».

В голове уже вертелись гипотезы; помимо воли, я представлял себе эту сцену и желал увидеть ее своими глазами. Но сдержал себя. Я все еще был на больничном, по-прежнему не разговаривал, еще не вернулся к активной деятельности. Я ничем не мог помочь Эсти.

«*Поверь, я не могу и не должен никуда ехать*», – отрезал я в надежде, что она от меня отстанет.

«Кракен... прежде чем ты узнаешь подробности из прессы, лучше я сама введу тебя в курс дела. Ты просто обязан увидеть место преступления и жертву. Поверь, ты никогда мне не простишь, если я тебя не уговорю».

«*Ничего не понимаю, Эсти*».

«У девушки были документы. Бумажник не украли, он лежал на земле; возможно, выпал из кармана».

«*Так кто это, черт возьми?*» – спросил я с беспокойством.

«Ана Белен Лианьо, твоя первая подружка. С которой ты встречался тем летом в лагере в Кантабрии, где все это произошло...»

«*Да, Эсти. Я понял*, – неловко перебил я напарницу. – *А ты-то откуда все знаешь?*»

«Лучо рассказал моему брату».

«Аннабель Ли», – подумал я, не в силах поверить услышанному. Невозможно представить ее мертвой, несмотря на ее пристрастие к играм со смертью и сомнительными обрядами. Аннабель Ли мертва.

«Есть еще кое-что, ты должен знать».

«*Что?*»

«Она была беременна».

1. Гора Добра

4 сентября 2016 года, воскресенье

Сегодня я вернулась к пруду, отец.

Крестная запретила мне это делать. Это было единственное правило, нарушение которого ее по-настоящему злило. Я больше не буду тебя искать. Я к тебе не вернусь. Мы отлично знаем, на что способен Синяя Борода, когда чувствует, что за ним кто-то следит.

С ужасом читаю проклятый заголовок в «Периодико Кантабро»:

ДЕВУШКА ДВАДЦАТИ ТРЕХ ЛЕТ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ НА ВЕРШИНЕ ДОБРЫ

Тайна юных самоубийц до сих пор не раскрыта

Обнаружено тело молодой женщины двадцати трех лет, уроженки Сантандера. На сегодняшний день уже трое молодых людей найдены мертвыми на горных вершинах кантабрийского побережья. Причина смерти – переохлаждение: раздевшись, жертвы провели ночь под открытым небом. Ни у одного из них не имелось внешних повреждений. Что это – мода, подражание?.. Полиция не находит ни объяснений, ни какой-либо связи между жертвами.

Следователи вновь озадачены. Уже третий случай с одними и теми же загадочными уликами: молодые люди, некоторые почти подростки, поднимаются на гору в провинции Кантабрия, с наступлением ночи раздеваются, а на следующее утро их находят замерзшими насмерть. Никаких следов, никакой мотивации, несмотря на тщательное изучение жизни их семей.

Ничего удивительного.

Способен ли найти что-либо человек, не желающий видеть того, что находится прямо перед ним?

После трудных и продолжительных поисков я отыскала фотографию девушки. Да, представь себе, Синяя Борода. Черты ее лица напоминают мои. Вы сказали, что она мертва. Вы посмотрели мне в глаза и сказали, что она мертва, черт возьми. Вы отняли у меня ее тело.

Я поклялась крестной не приближаться, не выслеживать тебя, но сегодня я разжую и выплуну эти обещания, потому что ты и понятия не имеешь, какая ярость захлестывает меня сейчас и испепеляет мне внутренности, которые ты сгноил.

Но ужас в том, что я скучаю по тебе, отец. Скучаю, несмотря ни на что. Я скучаю по твоему вниманию, по твоей манере прилюдно делать вид, что я тебе не безразлична, по последнему лету и по всему, что произошло в том пространстве между деревней и скалами, где я потеряла свою первую жизнь.

Иногда я закрывала глаза и старалась присоединиться ко внимавшей тебе аудитории, и притвориться, что я тоже в это верю, что на самом деле существует параллельная вселенная, в которой ты был хорошим отцом и любил меня, и не был таким жестоким.

Бесполезно. Я никогда в это не верила.

Я курю и пью больше, чем обычно. Вчера я вступила в бой. Я должна заново пересобрать себя, навести порядок в своей жизни. Быть кем-то другим, кем угодно, кроме себя самой.

Я вернулась, отец.

2. Сьерра Айзкорри-Арац

17 ноября 2016 года, четверг

Кто такая Аннабель Ли? В ту пору мне только-только исполнилось шестнадцать. Ана Белен Лианьо приехала в Кабесон-де-ла-Саль, кантабрийский город у побережья, в первый же день летнего лагеря, где Лучо, Асьер, Хота и я – основное ядро нашей тусовки из Сан-Виатора – решили провести лучший июль своей короткой и все еще неопределенной жизни.

Она носила гладкие черные волосы, ниспадавшие до талии, прямую челку, закрывавшую глаза и не позволявшую видеть жизнь в ее реальном свете, – и настолько четкие идеи, что даже взрослые не решались с ней спорить.

Сначала она меня раздражала, затем заинтриговала, а на третью ночь лагерной жизни я не мог сомкнуть глаз из-за смеси стонов и лепета, которые она издавала во сне всего в нескольких спальных мешках от меня. В ту пору меня, скажем так, накрыло с головой.

В возрасте, когда большинству из нас еще не ясно, что мы будем изучать по окончании школы, не говоря уже о том, чем мы хотим заниматься в жизни, Ана Белен Лианьо уже была профессиональным художником-комиксистом, и псевдоним «Аннабель Ли» – имя героини стихотворения Эдгара Аллана По, которым она подписывала свои затейливые и темные образы, – несмотря на ее юность, уже стяжал некоторую известность в тесном мирке местных любителей комиксов: эротических, готических, постапокалиптических...

Она не ведала преград и сомнений, презирала границы и жанры, и все же авторитеты у нее имелись: Густаво Адольфо Беккер, лорд Байрон и Уильям Блейк. Эта девушка не выпускала из рук черный фломастер «Штедлер», а предплечья ее покрывали импровизированные виньетки, которые приходили ей на ум в любое время дня и ночи: когда она вместе со всеми чистила алюминиевые миски после завтрака или когда Сауль Товар, начальник лагеря, вбивал в наши головы бесконечные истории о повадках птиц и древних развалинах, таская нас на замызанном автобусе по таинственным местам северного побережья, таким как Сан-Хуан-де-Гастелугаче в Бискайе или пляж Деба в Гипускуа.

У Аннабель Ли было много странностей. Ее будто окутывала дымка, чья проницаемость зависела от перепадов ее настроения. Все мы знали, что наблюдения за собственным внутренним миром интересуют ее куда больше, чем наш дурацкий переход ко взрослой жизни. Она пребывала вне возраста: ни ребенок, ни взрослый. Любила свое одиночество и лелеяла его, как некоторые вдовы лелеют своих ангорских кошек: самозабвенно, отдавая все лучшее.

Ей хватило четырех дней и трех ночей, чтобы полностью завладеть моим доселе девственным сердцем, таившим в себе лишь неглубокие шрамы, которые так приятно было растравлять. Бедное мое сердце! Она забрала его, пригрела, приучила к своему тихому и одновременно волнующему обществу – и выбросила, когда... Впрочем, в ту пору я еще ни о чем не догадывался.

Не знаю, что за чертова причина заставила ее отделаться от меня с таким... хотелось бы сказать равнодушием, но нет. Равнодушен некто надменный, а она умела быть такой родной, такой теплой... На самом деле Аннабель блуждала в параллельной вселенной, которая пересекалась с нашей, но не всегда, а потом оказывалась в другом месте, в другом порядке вещей, в причудливой смеси собственных мыслей и диковатых фантазий. Вот почему ее смерть казалась мне чем-то нереальным, надуманным: не более чем альтернативный финал одного из ее комиксов.

Кое-кто склонен полагать, что создатели выдуманных историй не уходят и не стареют, что они остаются: именно это я всегда думал об Аннабель Ли, хотя годами не желал ничего слышать о ней после всего, что произошло в конце того давнего лета.

* * *

Когда мы добрались до эспланады и я вылез из патрульной машины, в лицо мне ударил ледяной ветер, подобно яростному приветствию реальности. Эстибалис с ее метром шестьюдесятью едва не сдуло в обрыв. Моя напарница выплюнула забившуюся в рот рыжую челку и зашагала дальше. После дождей, не прекращавшихся все предыдущие дни, дорога, ведущая к туннелю Сан-Адриан, превратилась в сплошное месиво, и метеорологи говорили чистую правду, предвещая грозы с градом. Распухшие тучи, бегущие с севера, подтверждали их гипотезы.

– Ты готов, Кракен? – Эсти окинула меня обеспокоенным взглядом. – Заместитель комиссара разрешила тебе присутствовать в качестве эксперта, но она не знает, что жертва – твоя бывшая подружка.

«Я бы предпочел, чтобы она и впредь этого не узнала», – написал я на мобильнике и показал Эсти.

Она подмигнула, соглашаясь.

Мы видели друг друга насквозь, как двое престарелых супругов.

– Думаю, так лучше, – она кивнула. – Идем, через пару часов стемнеет. Кстати, есть ли что-то такое, что я должна знать о жертве? Образ жизни, какие-то странности, учитывая то, как все закончилось...

«Нет, насколько мне известно», – написал я, пожав плечами.

«Я не собираюсь рассказывать тебе о том, что произошло тем летом, Эстибалис. Я не готов и не желаю с кем-то этим делиться», – промолчал я.

Мы добрались до туннеля Сан-Адриан, расположенного в природном парке Айзкорри-Арац, по дороге на Зегаму, поскольку именно на этой гипускуанской дороге находилась ближайшая к вершине парковка. На ней мы увидели пару машин криминальной службы – и вскоре начали подъем.

Узкая гравийная тропа, по которой мы с Эсти проходили дюжину раз, вывела нас ко входу в туннель. Мы вошли во входную стрельчатую арку и миновали туннель почти шестьдесят метров длиной, оставив справа отреставрированную часовню и небольшое урочище, где каждое лето работала группа археологов.

День угасал, опускался тревожный ветреный вечер. Зелено-золотые листья букового леса, росшего у нас за спиной, беспокойно шевелились, сотрясаемые крепким ветром.

По ночам, когда я оставался у деда в Вильяверде, мне нравилось слышать шелест буков и дубов моей сьерры. Это было похоже на концерт, где люди не нужны. Но в тот день лиственный шепот не показался мне таким торжественным. Да, он потрясал воображение, но не расслаблял меня, как в другое время; скорее наоборот.

Туннель Сан-Адриан заканчивался широким проходом, ведущим прямо в скалу. Естественное отверстие, через которое внутрь него с древних времен проникали паломники и путешественники и которое на протяжении веков принадлежало северной части Камино-де-Сантьяго².

Говорили, что даже Карлу Пятому впервые в жизни пришлось наклониться, чтобы попасть под его своды. И хотя рост этого монарха никому не известен, мне также пришлось пригнуть голову, чтобы получить доступ в алавесскую часть сьерры, которая в тот тревожный ветреный день стала местом убийства.

² Камино-де-Сантьяго, или Путь Святого Иакова – паломническая дорога к предполагаемой могиле апостола Иакова в испанском городе Сантьяго-де-Компостела, главная часть которой пролегает в Северной Испании.

Мы поднялись на несколько метров по узкой тропинке, покрытой щебнем, и увидели Андони Куэсту, нашего коллегу-криминалиста. Куэста, мужик за пятьдесят, очень ответственный, из тех, кто без возражений остается на работе до поздней ночи, указал нам на место преступления. Периметр оцепили, и доступ к нему можно было получить только через участок, свободный от ограждения.

– Как дела, Куэста? – спросила Эстибалис с участливым видом. Я знал, что они с Эсти отлично ладят и часто пьют кофе, когда встречаются в полицейском участке Портал-де-Форонда в округе Лакуа. – Признайся, не ты ли тот таинственный виторианец, выигравший в «Примитиве» три миллиона евро? Если так, ты просто обязан пригласить меня завтра на кофе.

Вся Витория вот уже несколько недель только и говорила о лотерейном билете, купленном в киоске в центре города, и о неведомой личности счастливого. Все размышляли о том, не был ли победителем его сосед с пятого этажа, который несколько дней не появлялся дома и пропустил воскресный матч «Алавеса», или зять, который не отвечал на телефонные звонки и уволился из компании «Мерседес» без каких-либо объяснений.

– Я бы с удовольствием, правда. Но не получится, время поджимает. Что касается визуального осмотра, мы только начали, инспектор Гауна. Много еще предстоит сделать. Хочу успеть вернуться домой и поцеловать деток перед сном. У старшего в эти выходные матч с командой кадетов, и он от волнения места себе не находит. Выиграй я в лотерею, купил бы сыну все команды Страны Басков вместе с руководством и тренером, чтобы его не ставили на замену, – заметил он.

Беспечный и одновременно собранный Куэста присел на корточки рядом со своим чемоданчиком. Коренастый, добродушный тип с короткими руками – его без труда можно было узнать во время визуальных осмотров, несмотря на белый форменный комбинезон, делавший его в точности похожим на двоих других техников.

– Наденьте бахилы, ребята, и смотрите, куда ставите ногу. Здесь полно следов горных ботинок, поди потом разберись...

Мы послушно надели бахилы, а заодно протянутые им резиновые перчатки.

Судья Олано подписал разрешение на визуальный осмотр, но я готов был поспорить, что его светлость не потащился собственной персоной в сьерру Аискорри, чтобы снимать труп с дерева, а послал вместо себя судебного секретаря.

Мы послушались Куэсту и зашагали к заросшему лесом пятачку, где обнаружили доктора Гевару, судмедэксперта, делающую заметки возле дерева, с ветвей которого свисало тело женщины. В нескольких метрах от нее судебный секретарь и инспектор Гойо Мугуруса, стоя напротив судмедэкспертов, тихо что-то обсуждали, указывая на куртку с капюшоном, изукрашенную черепами, которая, по общему мнению, принадлежала покойной.

Секретарь, левша с белоснежной сединой и длинным носом, серьезно кивал и записывал указания Гойо. У ног его стоял открытый портфель со всем необходимым для хранения вещественных доказательств, которые они кропотливо собирали.

Обнаружить Аннабель в таком виде при моей неприязни к трупам оказалось непростым испытанием для желудка, и мне пришлось отвернуться, чтобы подавить приступ тошноты. Эсти прикрыла меня, подавшись вперед и приветственно протянув руку судмедэксперту.

– Инспектор Гауна, рада вас видеть... О, вижу, инспектор Айяла снова с нами, – заметила доктор Гевара, сделав вид, что не видит моего скверного состояния.

Это была женщина лет пятидесяти, довольно миниатюрная, с впалыми, вечно нарумяненными щеками. Молчаливая и невероятно работоспособная, она напоминала робота в беззвучном режиме.

После долгих лет совместной работы я очень ее ценил. Она старалась идти навстречу, когда я просил ее отдать приоритет какому-либо вскрытию; к тому же обладала редким даром

находить общий язык со всеми судьями, с которыми имела дело, какими бы желчными они ни были. Короче, надежная, как дизель.

– Сегодня наш Унаи пришел взглянуть на тело в качестве психолога-криминалиста, а в ближайшее время выйдет на работу окончательно, – солгала Эстибалис так просто, будто делала это всю жизнь. – Можете ли вы уже сообщить нам что-то, доктор?

Я задумчиво смотрел на мертвую, которая когда-то была моей девушкой, моей первой любовью, первой ночью, когда я... Я не сводил с нее глаз, несмотря на то, что она была привязана за ноги и висела вниз головой, с ее длинных черных волос – все еще влажные пряди касались каменистой почвы, а густая челка открыла лоб. Глаза тоже были открыты. Она не закрыла их, когда умирала, хотя голова ее находилась в бронзовом котле с водой.

«Какой ты была храброй, Аннабель», – мысленно произнес я.

Руки связаны за спиной пластиковой бечевкой, обручального кольца нет, на ногах – горные ботинки. Флисовая куртка, свисая под действием силы тяжести, обнажает округлый живот... четырех-, пятимесячный? Возле пупка виднеются пигментные пятна. Лодыжки крепко стянуты веревкой, привязанной к могучей ветке примерно в двух с половиной метрах от земли.

Такое мог сотворить только самый настоящий ублюдок, несмотря на все ее заигрывания со смертью, несмотря на то, что всю свою жизнь она отталкивала всех, кого привлекала.

«Во что ты ввязалась на этот раз?» – вопрошал я, лихорадочно напрягая свою поврежденную голову.

Эстибалис и криминалист осматривали бронзовый котел, лежавший в нескольких шагах от меня. Я же тем временем машинально опустил перед ней на колено и произнес:

«Здесь заканчивается твоя охота и начинается моя».

И несколько мгновений мне казалось, что я снова тот самый инспектор Айяла, а не его робкое подобие; что у меня появилась очередная работа, которая поглощает меня с головой, новая одержимость, похоронившая под собой все лишения и травмы, которых скопилось так много.

Вместе с воспоминанием о том, что моя начальница беременна и не знает, кто отец ребенка – я или серийный убийца.

3. Граница злодеев

17 ноября 2016 года, четверг

Я вернулся в настоящее и сосредоточился на том, *что* у меня перед глазами, чтобы прервать болезненные, очень болезненные воспоминания.

На данный момент я не обращал внимания на металлическую посудину, так захватившую внимание Эсти, и дождался, когда она вернется с доктором Геварой и та расскажет нам о своих впечатлениях:

– Погибшая – молодая беременная женщина, срок беременности можно будет определить только после вскрытия. Мы нашли ее в положении вниз головой, подвешенную за ноги с помощью обычной веревки, так что тело не касалось земли. Нам известно, что два свидетеля нашли ее в состоянии неполного погружения, то есть тело было погружено в воду частично, по шею или по плечи; голова же при этом была полностью погружена в жидкость. Эксперты подтвердят данные, но, по-моему, это самая обычная пластиковая веревка, какую можно найти в любом хозяйственном магазине.

– А что там за свидетели, объясните, пожалуйста, – перебила ее Эстибалис.

– Ее нашли двое местных жителей, поднимавшиеся на съерру по алавесской стороне. Оба из Арайи и двигались в направлении Залдуондо, оставив машину на эспланаде возле заправки. Утверждают, что поспешили вытащить голову жертвы из воды, на случай если та еще жива, но вскоре пришли к выводу, что она мертва уже некоторое время. Они ничего не трогали, только пощупали пульс на шее и убедились, что убитая не дышит. Она была уже мертва, когда прибыла группа спасения в горах Эртсаинса. Они уже уехали.

– Да, это они сообщили нам о происшествии, – уточнила Эстибалис.

В этот момент подошел инспектор Мугуруса, энергичный человек, любознательный и одновременно ограниченный. На нем были очки из тех, что темнеют от солнца, но стекла всегда оставались более тусклыми, чем требовала интенсивность солнечного света, придавая ему немного растерянный, подслеповатый вид. В знак приветствия он поднял брови и перехватил эстафету у судмедэксперта:

– Повсюду отпечатки пальцев, особенно на внешней поверхности котла, как судмедэксперт уже показала инспектору Гауна. Однако боюсь, что отпечатки принадлежат свидетелям. На данный момент все, что мы нашли, соответствует их показаниям. Придется взять у них отпечатки пальцев.

– Признаки борьбы на теле жертвы отсутствуют; при вскрытии следует более тщательно поискать царапины и следы кожи под ногтями. Но когда ее повесили, она была жива и умерла от погружения в котел с водой, – продолжала доктор. – Есть следы ударов и царапины на голове, которые, по всей вероятности, она нанесла себе сама, пока билась о внутренние стенки котла, пытаясь высунуть голову и не захлебнуться.

– А где вода? – спросила Эстибалис, заметив озадаченное выражение моего лица.

– Боюсь, ее вылили местные, пытаясь спасти девушку.

– Но откуда, по-вашему, убийца ее взял?

– Вдоль туннеля полно источников и небольших ручьев, их даже зимой можно встретить вдоль всего маршрута. А может, где-то поблизости находится какой-нибудь резервуар для воды... Дождь в эти дни прошло достаточно, чтобы его заполнить. Кстати, давайте-ка поторопимся, – забеспокоилась доктор Гевара, услышав далекий гром. – Надо спрятать тело в пакет.

– Слишком заморочено, тебе не кажется? – прошептала Эсти.

Она была права – сцена слишком сложна для обычного убийства. Слишком странный способ покончить с человеком. Казалось, мы вошли в туннель Сан-Адриан, а вышли через

временной туннель, оказавшись в другой эпохе, где ритуал имел не меньшее значение, чем сам факт умерщвления.

Перед нами было что-то вневременное, анахроничное.

В моей голове уже всю работала психолог-криминалист, формулируя первые впечатления от профиля убийцы: сама сцена, преступный почерк, география. Виктимология³ была, как известно, делом Эстибалис.

Наличие котла, веревки и необходимость наполнить котел водой говорили мне об организованном сценарии, свойственном психопату, а не импульсивному психотику. Убийца или убийцы – множественное число я не исключал с самого начала – спланировали ритуал до последней мелочи. Котел был фетишем, предметом, который сам по себе орудием убийства не являлся: в таковое его превратил сам убийца. Налицо тщательный контроль; связанные за спиной руки свидетельствовали об опасениях убийцы, что жертва начнет сопротивляться и сведет на нет всю сложную постановку.

Посмертно прикрытое лицо могло означать чувство вины: возможно, убийца лично знал Аннабель Ли. Могло случиться и так, что ему помешали свидетели и он не завершил свой странный обряд. Говорить об этом было еще рано. Однако из-за археологического характера атрибутики складывалось впечатление, что все это некий косплей. Дерево, историческое место, музейный объект в виде бронзового котла...

Но было очевидно, что перед нами работа законченного психопата. В этой преступной личности я видел смешанные черты; было в ней и что-то мессианское, словно убийца выполнял некую миссию, ритуально казнив Аннабель Ли. К моему немалому беспокойству, в характере убийцы присутствовали черты психотика, признаки больного, патологического мозга, утратившего связь с реальностью. Коротко говоря: все это отдавало делирием, бредом.

И это меня беспокоило: убийцы-психотики непредсказуемы, а мне нравится, когда мир упорядочен и каталогизирован. Коротко говоря, предсказуем и управляем.

– А что насчет жидкостей, доктор? – спросила Эстибалис, поворачиваясь к судмедэксперту.

– Я не вижу следов крови или спермы, – сказала доктор Гевара и еще раз посмотрела на небо. – Скоро стемнеет, а мы не успеваем все закончить. Но у меня будет возможность воспользоваться люминолом и ультрафиолетовой лампой Вуда. В первую очередь я сниму у трупа отпечатки пальцев – сделаю дактилограмму с правого указательного, хотя, похоже, личность убитой уже установлена. В любом случае должна быть полная уверенность.

– Что вы можете сказать о времени смерти?

– Труп окончен, а значит, с момента смерти прошло более трех-четырех часов. Холод и другие факторы могут изменить температуру тела и повлиять на оценку, но я бы сказала, что девушка умерла ранним утром. В будние дни, к тому же зимой, это место совершенно пустынно; даже археологи из «Аранзади», которая исследует это урочище, копают только в летнее время. У того, кто это совершил, было время связать девушку, установить котел, увидеть, как она умирает, и убраться восвояси.

– Значит, если местные действительно пришли ближе к вечеру, они нашли ее мертвой, – вмешалась моя напарница.

– Если они не прибыли сюда раньше, то я уверена, что девушка уже была мертва.

– Большое спасибо, доктор. У меня все, – попрощалась Эстибалис и подошла к одному из техников, чтобы попросить у него протокол визуального осмотра.

Мы увидели эскиз близлежащих деревьев, вход в туннель, место обнаружения тела и положение котла. Были пронумерованы все физические признаки его перемещения. Техник

³ Виктимология – изучение жертв преступлений; междисциплинарная область исследований на стыке криминологии, психологии, социологии, педагогики, этнографии; раздел криминологии.

сфотографировал салфетки и окурки сигарет вместе с цифровыми маркерами и метрическими знаками. Окрестности не были замусорены, однако злосчастный туннель так или иначе был местом, где проходило множество неосторожных и недостаточно сознательных людей, а значит, там можно было обнаружить все, что угодно: пластиковые пакеты из-под чипсов, алюминиевую фольгу из-под бутербродов, раздавленные жестянки...

Техники осторожно счистили остатки земли, застрявшей в подошве ботинок Аннабель, чтобы сравнить их с землей на стоянке в Алаве и с грунтом гипускуанской части съерры, намереваясь узнать, откуда она явилась в туннель и где пролегли ее последние шаги. Предстояло обработать покрывки припаркованных внизу автомобилей.

Что касается следов от ботинок, это сущее безумие: вокруг было несколько десятков различных следов, почти наверняка принадлежавших туристам, которые приходили туда по выходным, чтобы подняться на Аизкорри. Добряк Андони Куэста был прав: будет чертовски утомительно сравнивать их с SoleMate, базой данных, где хранились отпечатки любых моделей обуви, которой пользовались в подразделении.

Пока Эстибалис изучала детали отчета, я подошел к загадочному бронзовому котлу, который покоился на траве в нескольких метрах от Аннабель. В самой широкой части его периметр составлял около шестидесяти сантиметров, единственными украшениями были заклепки и два кольца по бокам. Это явно была старинная штукавина, и я уже знал, кто мне поможет определить ее происхождение.

Я сделал пару фотографий, одну под углом и одну фронтальную, и отправил обе по «Ватсапу» одному моему старому знакомому.

«Мне позарез нужен археолог, вы уже приземлились в Лос-Анджелесе?» – написал я.

«Пока что на алавесской земле, – ответил Тасио. – А что это ты мне прислал? Расследуешь преступление против исторического наследия?»

Тасио Ортис де Сарате был тем, кому сильнее других не повезло при расследовании двойного убийства в дольмене: двадцать лет за решеткой, обвинение в восьми убийствах, которых он не совершал. Теперь он начинал новую жизнь в качестве сценариста американского сериала, основанного на тех печальных событиях. Мы поддерживали приятельство, или знакомство, или как еще это можно назвать.

«Я все тебе объясню в обмен на твое благоразумие и познания в вопросах древних штуквин, согласен?» – ответил я.

«Сомнение оскорбляет, хотя я слегка заржавел после двух десятилетий без практики. Однако то, что я вижу на твоих снимках, – задачка для первоклассника: это Кабарсенский котел».

«Кабарсен... Это где-то в Кантабрии?»

«Точно. Перед нами уникальное произведение, таких на северном полуострове было найдено не так много. Котел ирландского типа, типичный для кельтской культуры. Конкретно этот нашли в 1912 году в заповеднике Пенья-Кабарга, если я правильно помню. Датировка соответствует финалу бронзы, то есть твоему котлу от двух тысяч девятисот до двух тысяч шестисот лет».

«Где он находился раньше?»

«В музейной витрине. Возможно, Музея древней истории Кантабрии, но дай мне несколько минут, и я соображу...»

«Голова у тебя работает не хуже, чем раньше, – отозвался я. – А теперь посмотрим на штуквину с точки зрения того, кто изучал археологию и криминологию, и это уже более личная информация: с какой целью этот котел могли использовать в туннеле Сан-Адриан?»

«Хм, вот черт... Использовать каким образом?»

«Это я сказать не могу, извини, Тасио. Обдумай мой вопрос, а потом ответь на него, хорошо?»

«Игнасио передает тебе привет. Не слишком ли быстро ты вернулся к работе?»

«Я еще не вернулся».

«Ладно, дело твое. Оставляю тебя и пойду смахну пыль со своих познаний в кельтской культуре. Кракен, спасибо, что вспомнил обо мне. Ты же знаешь, мне нравится быть полезным обществу».

«Тебя трудно забыть, Тасио. Рад, что ты на светлой стороне».

«Я всегда на ней был».

«Знаю, я же сам тебя вытащил. Сообщи мне что-нибудь, как только получишь ответ».

Я закончил разговор, довольный тем, что способен действовать так же оперативно, как и раньше. Похоже, голос не играл в моей специальности решающей роли.

Я посмотрел на остатки воды на дне котла – и кое-кого увидел: отражение прежнего Кракена, человека, которого можно было ударить, но не сломать, существа, лишенного экзоскелета, гибкого и сильного, даже по-своему жуткого. Скорее упрямого, чем блестящего специалиста по характеристикам убийцы, который никогда не оставит дело, пока не закроет его, предъявив дежурному судье соответствующие материалы, а заодно и подозреваемого. Таким я был когда-то в той, другой жизни, которая закончилась 18 августа, когда Нанчо всадил мне в мозг яд в виде пули и заразил страхом каждый мой жизненный шаг.

Я ушел в затворничество, удалился от мира. В микровселенной Вильяверде мне было более чем комфортно: отныне я был простым парнем, который варит ежевичные джемы. Очень вкусные джемы, надо заметить, но все-таки это были всего лишь ежевичные джемы.

Так что я пошел искать Эстибалис, а когда понял, что ее уже нет на месте преступления, спустился по склону, выходящему в устье туннеля, и обнаружил ее внутри пещеры, едва различимую за стенами небольшой внутренней крипты. Подошел ближе, стараясь не шуметь и не прерывать ее телефонный разговор.

– Я хочу, чтобы он был нашим психологом-криминалистом, – шептала она кому-то в мобильный телефон. – Да, я знаю о его состоянии и нехватке подвижности из-за травмы, но у инспектора Айялы есть ресурсы, чтобы справиться со своей работой и без языка. То есть, – поправила она себя, – без разговоров. Даже если наше подразделение получит подкрепление, без него мы не справимся, ты же сама понимаешь. Это лучший способ подтолкнуть его к возвращению в строй. Прошу тебя, согласишься хотя бы на то, чтобы он был нашим внештатным консультантом, пока не восстановится на сто процентов и не выпишется официально.

Ответ Эстибалис выслушала молча. Со своего расстояния я не мог слышать, что говорит наш начальник, но готов был отдать котел из чистого золота, чтобы это узнать.

– Альба, – продолжала Эсти гораздо более уверенным тоном, – ты же сама говоришь, что, по мнению Дианы Альдекоа, его невролога, Унаи нужно поместить в атмосферу, где он постоянно получает вызов. И что чем большего он добьется в ближайшее время, тем выше его шансы в долгосрочной перспективе. Унаи в отличной форме, уверяю тебя. Он справится со своей работой.

Меня удивило, что Эстибалис и Альба общаются на «ты». Я знал о восхищении, которое Эсти испытывала по отношению к нашему начальству, и о взаимной симпатии, которая вспыхивала между ними всякий раз, когда они оказывались вместе, но только теперь понял, что за время моего отсутствия они сблизились и их отношения вышли за рамки профессиональной сферы, – и был этому рад. Рад за них обоих. Они подходили друг другу. Альбе нужна была Эсти, чтобы заново обжиться в Витории, а Эсти нуждалась в Альбе, чтобы сосредоточиться на работе и забыть о своих пристрастиях. А может, их объединяла пережитая боль: одна потеряла мужа, другая – брата...

А еще я был тронут тем, что мой шеф и моя напарница вступили в сговор, чтобы помочь мне вернуться к нормальной жизни. Обе они, моя лучшая подруга и женщина-которая-не-

знает-от-кого-ее-ребенок, потихоньку заботятся обо мне и выманивают из зоны комфорта, чтобы я получил возможность поскорее снова стать самим собой.

Вот почему именно там, в горах сьерры Аизкорри, которую древние называли Границей Злодеев, я принял твердое решение – ради себя, ради Аннабель Ли, Альбы и нерожденного ребенка – сделать все возможное, чтобы снова стать Кракеном.

Несколько минут я ждал на благоразумном расстоянии, пока Эстибалис закончит свой разговор, и от меня не ускользнула торжествующая улыбка, с которой она нажала на отбой.

Я подошел к Эсти и показал ей экран мобильного телефона.

«Ты уверена в том, о чем только что попросила?» – было написано на экране.

Она посмотрела на меня лукаво, не удивившись тому, что я оказался рядом, – не знаю, учуяла ли она мое приближение спиной или научилась распознавать мои шаги среди множества чужих. Насчет меня у Эстибалис выработалось особое чутье, почти сверхъестественное. Постепенно я привык к ее пронизательности, но это не означало, что перестал поражаться, – скорее, делал вид, что перестал.

– Давай вернемся на место преступления. Надеюсь, они поторопятся – этот гром мне совсем не нравится, а ветер тем более, – сказала она, и мы снова поднялись в южное устье туннеля. – Знаю, ты не хочешь возвращаться к работе, тебе неохота усложнять свою жизнь, но ты отличный профайлер, а я неплохо разбираюсь в виктимологии. Не знаю, что перед нами – начало ли серии преступлений, или убийца уже делал такое раньше; на этот вопрос ответишь ты сам. Но ясно, что подобный способ убийства выходит за рамки обычного, и только ты сможешь нам выяснить, какой придурок сделал это с Анной Белен Лианьо. Меня очень беспокоит, что она была беременна; надеюсь, что это не серийное убийство, и в дальнейшем у нас не будет других жертв, соответствующих этому профилю. Потому что у меня руки дрожат от одной мысли об этом.

«Нет, Эстибалис. Никто не тронет беременных жительниц Алавы. Ни за что. Даже не думай об этом, – подумал я. – Нет – и точка».

Тут я посмотрел на черное небо и зловещие облака, грохотавшие над нашими головами, и у меня создалось впечатление, что силы природы действуют своим чередом, не обращая на меня ни малейшего внимания.

4. Часовня Сан-Адриан

17 ноября 2016 года, четверг

– Сделай это ради нее и ребенка, – сказала она, и мы оба уставились на вершину. С неба упали первые холодные капли, не предвещавшие ничего хорошего.

«Ради нее и ребенка», – мысленно повторил я, глядя, как техники осматривают труп Аннабель Ли. Но думал я не об Аннабель и ее нерожденном ребенке; я думал о той, с кем только что закончила разговор моя напарница.

– Вернемся на место преступления, – сказала Эстибалис. – Если начнется дождь, это будет катастрофа. Посмотрим, не нужно ли помочь им со сбором улик. Думаю, все материалы придется спрятать в туннеле. Вряд ли мы сможем доставить их в машины, не промокнув.

Я кивнул и последовал за Эсти.

«Честно говоря, после того, что я увидел, трудно будет спокойно отсиживаться в Вильяверде, выкинув расследование из головы. Я бы целыми днями только и делал, что названивал тебе и ныл, чтобы ты рассказала, что и как». Все это я изложил в письменной форме, пока мы шагали к месту преступления.

Дождь больше не моросил робкой чередой ледяных капель – он хлынул нам на головы по всем дождевым законам. Но больше всего меня беспокоил ветер, который все крепчал, срываясь с обнаженного гребня перевала.

– Да, и в конечном итоге, если расследование не пойдет по тому руслу, которое ты предполагал, рванул бы в участок как оглашенный... Мы уже пострадали от тебя, Кракен. – Она рассмеялась почти счастливо, и в глазах у нее блеснула искорка надежды. – Давай, возвращайся домой; мы – твой дом.

«Я выгляжу ужасно, – написал я. – Сегодня утром я нервничал, поскольку предстояло столкнуться с толпой виторянцев и властями, желающими воздать мне дань уважения. Больше всего пугало то, что все увидят шрам от пули». Я оторвался от экрана телефона, машинально прикрывая его прядью волос.

«Лучше тебе не рассказывать о моей встрече с Альбой», – решил я, сжав зубы, чтобы подавить ярость.

«Стремное убийство, Эсти. Вам действительно понадобится психолог-криминалист».

Она улыбнулась, я тоже улыбнулся. Это было молчаливое «да», и мы оба это знали.

Но я не сказал ей всей правды.

Правда заключалась в том, что во время визуального осмотра мне удалось выкинуть из головы реальность, с которой я понятия не имел, как справиться: материнство Альбы и мое возможное отцовство. Мне нужно было по уши погрузиться в это расследование, которое с самого начала казалось сложным и путанным. И потом, ежевичные джемы и жареные каштаны не помешали бы мне сойти в Вильяверде с ума, обдумывая все обстоятельства этой беременности.

– Знаешь что? – сказала мне моя напарница. – Мой брат Энеко рассказывал мне истории об этих краях, когда мы поднимались сюда с нашей компанией. Этих историй сотни. Например, здесь на протяжении тысячелетий проходила Камино-де-Сантьяго, проезжали всадники, экипажи, благородные дамы и купцы. Но одна мне особенно запомнилась: история об отшельнике, который жил недалеко от больницы для паломников, построенной в Средние века чуть ниже; там теперь часовня Санкти-Спириту. Рассказывают, этот человек помогал детям, которые никак не могли заговорить.

Я заметил, что, рассказывая мне эту историю, она машинально прикоснулась к серебряному эгускилору⁴, который носила на кожаном шнурке. Он все еще был при ней – память об Энеко, ее Эгускилоре.

Эсти тоже еще не оправилась после недавних событий.

В этот момент нас прервал Куэста. Судебный секретарь столкнулся с нами в туннеле, пытаясь где-нибудь укрыться от дождя. Двое других техников, эксперт и инспектор Мугуруса, поспешно засовывали тело Аннабель в черный мешок. Куэста достал бумажник в полиэтиленовом пакете и протянул нам.

– Думаю, вы должны это увидеть, – сказал он. По его белому пластиковому комбинезону стекала вода.

– Что именно? – спросила Эстибалис, думая о том, что еще предстояло спасти от дождя.

Но тут пошел град, и несколько ледышек размером с орех яростно обрушились на наши головы.

– Котел! И куртка! – крикнул инспектор Мугуруса. – Помогите нам!

Мы все трое выбежали наружу, не успев продолжить разговор.

– Они справятся с телом? – спросила Эстибалис у судмедэксперта.

– Да, давайте спрячемся в туннеле, хотя не знаю, будем ли мы там в безопасности. Если после града хлынет ливень, мы застрянем, как в мышеловке, нас всех попросту смоеет. Несите котел и куртку.

На руках у нас все еще были перчатки, поэтому я поднял куртку с земли, которая еще не промокла полностью, а Куэста и Эстибалис бросились за котлом.

Тут я заметил, что судмедэксперт и Мугуруса не справятся с тяжестью тела, сунул куртку под мышку и побежал к ним, чтобы отнести мешок с Аннабель в укрытие.

Моя напарница и Андони тоже сообразили, что втроем нам не справиться, поэтому оставили котел на земле, и мы впятером спустились по каменному склону, побелевшему от яростно молотящего града.

– Мы не успеем добраться ни до машин, ни до укрытия, – крикнул инспектор Мугуруса, задыхаясь. – Нас подхватит поток и унесет. Надо укрыться в часовне.

– Она заперта! – крикнул судебный секретарь, как будто это и так не было очевидно.

– Что ж, придется взломать замок – не вижу других вариантов, – откликнулась судмедэксперт.

Мы растерянно смотрели друг на друга. У нас было слишком мало времени. Поскольку ничего похожего на таран под рукой не оказалось, Эстибалис, Куэста и я по очереди молотили ногами деревянную дверь. У меня мелькнула мысль, что осквернять таким образом часовню, защищенную образом Сантьяго, – настоящее кощунство; тем не менее я испытал большое облегчение, увидев, что дверь поддается. Наконец она открылась, и трое техников, судмедэксперт, судебный секретарь, инспектор Мугуруса, Эсти и я поднялись по двум входным ступеням, держа на руках тело Аннабель.

Куртку покойной я протянул инспектору, чтобы она, по крайней мере, не испачкалась на полу часовни – небольшого помещения с едва различимым алтарем, изображением святого, защищенным черными железными прутьями, и зарешеченным окном.

Снаружи грохотал град, страдающий аритмией: иногда грохот сливался в сплошной гул, иногда стихал. Снаружи остались чемоданчики техников и Кабарсенский котел. К счастью, фототехнику успели спасти.

Но вскоре Куэста, воспользовавшись кратковременным затишьем, выбрался из часовни.

⁴ Эгускилор, или колючник бесстебельный (*лат. Cardo Silvestre*) – цветок, по форме напоминающий подсолнух. В регионе басков засушенные эгускилоеры вешают на двери домов как талисман от злых духов. Подробнее см. роман «Жало Белого города».

– Куда это вы? – удивился Мугуруса.

– Сбегаю за котлом. Мы не можем оставить такую ценную вещь там, наверху! – крикнул он.

И прежде чем кто-либо успел возразить, к нему присоединилась Эстибалис.

– Пойду с ним! – сказала она и, как ласка, юркнула мимо меня, готовая присоединиться к самоубийственной экспедиции Андони.

Я хотел было крикнуть, чтобы она осталась в часовне, со мной, с нами, – и не в силах произнести ни звука, побежал за ней. Но инспектор и судмедэксперт преградили мне путь, не выпуская в ревущий белый ад.

– Вдвоем они справятся, Айяла, – решительно остановил меня Мугуруса. – Мы не можем подвергать себя опасности.

– Если помните какие-нибудь молитвы, молитесь. Вон алтарь, – прошептала мне доктор Гевара.

Я беспомощно стоял в дверном проеме, ожидая Эстибалис. К шуму града, бьющегося о скалы туннеля, добавился треск молний.

А вскоре пошла и первая лавина.

И тут я действительно испугался.

Впервые испугался.

Я и раньше бывал во время грозы в горах, но наш туннель больше не был убежищем – мирная дорога, по которой прошло столько паломников, превратилась в смертельную ловушку, на которую белой стеной обрушился град.

И тут произошло невообразимое.

Перед моими испуганными глазами пронесся Кабарсенский котел. Я завыл. Остальные столпились у входа в часовню. Котел ударился о стену туннеля, скрылся в стрельчатой арке северного входа, и мы потеряли его из виду.

Испуганные, мы боялись худшего, и худшее произошло: мы увидели, как мимо пронеслось тело Андони Куэсты; белый комбинезон едва различался в потоке белых ледышек, увлекавшем его вниз по склону, подобно конвейерной ленте.

Это было похоже на страшный сон: прошло всего несколько секунд, и Куэста исчез.

Выбраться из укрытия было невозможно: ветер, дождь и бешеный град убили бы нас в одну секунду.

И все же я рискнул.

Там оставалась Эстибалис.

Я должен был ее перехватить. Не прошло и десяти секунд, как ее тело тоже мелькнуло в белом потоке.

Этого видения – ее рук, туловища и ног во власти разбушевавшейся стихии – было достаточно, чтобы прорвать дамбу, которую мой мозг воздвиг несколько месяцев назад.

– Только не ты! – закричал я, и впервые с августа из меня вылетели слова, которые можно было разобрать.

Только не ты...

Звучание собственного голоса потрясло меня не меньше, чем значение произнесенных слов.

Я бросился вперед, как камикадзе, отлично понимая при этом, что и меня подхватит и потащит адский ледяной поток. Но чья-то твердая рука в последний момент вцепилась мне в плечо.

Человеческая цепь – все крепко держались друг за друга.

На этот раз у нас получилось. У меня в голове мигом пронеслось все то, что произошло двадцать четыре года назад.

Руки, которые так и не помогли, руки тех, кто решил не рисковать жизнью, кто не... И наконец-то я понял, что так и не простил их. Никого из них четверых – и в первую очередь Аннабель Ли.

Я вспомнил неподвижное тело девушки, которую держал на руках на бискайском берегу в те мгновения, которые показались мне вечностью.

5. Кантабрийская деревня

29 июня 1992 года, понедельник

Четверо парней из нашей тусовки и незнакомая брюнетка выпрыгнули из поезда – и рассыпались со своими рюкзаками, груженными смутными надеждами, по пустынному перрону Кабесон-де-ла-Саль, древнего городка в Кантабрии, некогда славившегося добычей соли.

Там их уже поджидал начальник летнего лагеря Сауль Товар, моложавый профессор в неформальной клетчатой рубашке, окруженный самыми верными студентами, которые проводили здесь уже не первое лето.

Группа поддержки была невелика: несколько второкурсниц и третьекурсниц исторического факультета, вечно роящихся вокруг Сауля, да какой-то старшекурсник, который рассеянно беседовал с крупной студенткой, доставившей сюда всю компанию из Сантандера на своем подержанном «Форде Фиеста». Мариан Мартинес знала, что единственная причина, по которой ее позвали, – поработать таксистом и навестить Сауля, всемогущего Сауля. Мариан не разделяла восторженную любовь всего Университета Кантабрии к профессору культурной антропологии. Она слышала про него много историй...

Чуть в отдалении от кучки молодых людей, на скамейке, куда ее посадил отец, сидела смуглая девочка, выжидая за ними наблюдая. Они были первыми людьми из внешнего мира, которых она увидела после своего заточения.

С ней были только тетя и отец, державшийся с ней ласково и предупредительно, словно раскаиваясь в содеянном.

Девочка понимала, что мозг ее пока не работает на сто процентов, что ей предстоит очистить организм от лекарств, которыми ее так долго пичкали, и убеждала себя, что вода размочит остатки химии. Так что выход один: пить воду, все время пить воду из маленькой пластиковой бутылки. А потом – бегом в уборную и пописать.

Стыдобища какая...

Но иначе никак, убеждала она себя. Нельзя же оставаться дурочкой. Возможно, этот лагерь – ее единственный шанс, чтобы вернуться в сентябре в школу... Уф, нет, об этом страшно было даже подумать. В школе все знали ее отца – Сауль был богом. Этого всеобщего обожания, а не только того, что ее оставили на второй год, простить ему она не могла. Но какой же кошмар – еще год в восьмом классе...

Нельзя было упускать такую возможность. Оставалось только наблюдать и прикидывать, кто из ребят может ей помочь.

Она поплелась вместе со всеми. Отец повел их по улицам городка во дворец графа Сан-Диего – внушительный особняк с островерхими черными крышами, который семья владельца пожертвовала мэрии. Дворец нуждался в реставрации, но для нетребовательного вкуса и этого было более чем достаточно.

Через два часа, после знакомства и обеда, девочка еще не определилась. Может, этот – высокий, смуглый, с ручищами, как у орангутанга? Он казался самым старшим из четырех виторинцев. Что ж, можно попробовать... Но что-то в нем ее смущало.

Тогда она сосредоточила свое внимание на том, кто показался ей наиболее серьезным и ответственным, – носатом Асьере. Он не валял дурака, как остальные, не смеялся над тупыми или пошлыми шуточками, а главное, она ни разу не видела, чтобы он разговаривал с отцом.

Это было очень важно.

Приветственные ритуалы повторялись в третий раз. Еще одно лето. Она ездила в лагерь с самого начала строительства кантабрийской деревни. Раньше она не сомневалась: она хочет стать археологом. Она столько всего знала о кельтах. Как и ее отец, который всему ее научил.

Эти три недели Сауль Товар полностью за них отвечал, встречал и опекал небольшую партию волонтеров, которые записались на проект, чтобы довести до конца строительство четырех хижин железного века. Все они были студентами БУП⁵, ответственными и мотивированными ребятами. Послушной глиной, из которой можно было вылепить все, что заблагорассудится, а заодно привить им страсть к истории и заманить в Университет Кантабрии, где Сауль Товар занимал должность доцента. У него были свои задачи: выслужиться перед деканом, стать его доверенным лицом, получить штатную должность. Дать стабильность Ребекке, его крошечной семье. Ради дочери, все ради дочери.

Он арендовал микроавтобус на весь июль, чтобы забыть о проблемах с транспортом. По опыту предыдущих двух лет Сауль знал, что первые дни ребята-волонтеры будут работать как лошади, в выходные поедут тусоваться в Торрелавегу или на праздник Кармен-Сан-Висенте-де-ла-Баркера, и с течением недель их первоначальный пыл заметно поугаснет. Он понимал, что постепенно они будут все больше и больше удаляться от истории и кельто-иберийской культуры, и в конечном итоге девочки начнут думать исключительно о мальчиках, а мальчики – о девочках. Нужно было проветривать их, возить по окрестностям, пытаться заинтересовать своими историями.

Ближе к вечеру, загрузив рабочий материал во внутренности микроавтобуса, Сауль рассадил виторианцев в автобусе и отправился к Пику-ла-Торре, на склоне которого их ждали деревянные остовы строящихся хижин железного века.

Расстояние, отделявшее дворец графа Сан-Диего от кантабрийской деревни, было невелико, но Сауль решил, что ребята слишком устали после поездки, и не хотел в первый же день видеть их кислые лица.

Он прикрутил радио – его раздражал Эрик Клэптон, который плачущим голосом пел «*Tears in Heaven*», историю об отце, который потерял своего четырехлетнего сына – мальчик упал с 53-го этажа небоскреба.

Микроавтобусу пришлось увернуться от пары самонадеянных велосипедистов, которые, подобно тысячам других любителей, выкатились тем летом на дороги, воодушевленные триумфом Индурайна⁶ на «Джиро д'Италия» и его предсказуемой второй победой в «Тур де Франс».

Сауль крутил руль, сосредоточившись на сидевшей рядом с ним Ребекке; оба делали вид, что ни о чем не думают, но пристально следили за четырьмя ребятами и прислушивались к их разговорам.

– Надеюсь, рядом будет телефонная будка – мне надо каждый вечер звонить в больницу, – озабоченно заметил самый молодой из них, светловолосый парень, настоящий красавчик.

Ребекка уже обратила на него внимание. На нем были новые брендовые кроссовки и красные «Левайс-501». Интересно, откуда у него бабло? Этот Хота не только хорош собой, у него явно водятся деньги...

«Интересно, что там насчет больницы?» – подумали одновременно Сауль и Ребекка. Но ни один из них не потребовал каких-либо разъяснений.

«Терпение», – думали они в унисон, как истинные отец и дочь. «Я все выясню», – решили оба.

– Конечно, там будет телефон, Хота, – сказал высокий смуглый чувак, некто Унаи. – Не переживай, телефон в этих местах обязательно найдется.

– Конечно, чувак. Ты же знаешь, если станет хуже, я позвоню отцу, и через два часа мы будем в Чагорричу, – сказал круглолицый малый с жирными волосами и в черной футболке

⁵ BUP – единое среднее поливалентное образование (Bachillerato Unificado Polivalente – образовательная ступень в испанском среднем образовании).

⁶ Мигель Индурайн (р. 1964) – выдающийся испанский шоссейный велогонщик; пять раз подряд побеждал на гонке «Тур де Франс» и дважды выигрывал гонку «Джиро д'Италия».

«Пёрл джем», которого все называли Лучо. Он говорил очень быстро, очень уверенно и очень напористо, как базарная баба.

Ребекке этот Лучо не понравился с первого взгляда. И потом, было заметно, что все заботятся о другом мальчике – красавчике Хосе Хавьере по прозвищу Хота.

– Ребекка, доченька, ты как? – пробормотал отец, не отрывая взгляда от асфальтированной дороги, по которой неторопливо катил микроавтобус. Он никогда не превышал скорость, в этом упрекнуть его Ребекка точно не могла.

– Хорошо, папочка.

– Слушай, я хочу, чтобы ты знала: мне было очень плохо без тебя последние три месяца.

Я по тебе очень скучал.

Какой соблазн поверить ему...

– Да, и я тоже скучала по тебе, папочка.

– У тебя голова не болит?

– Нет, я в порядке, правда. – «Все, с меня довольно. Я не хочу говорить об этом».

– У тебя было время прочитать книги, которые я тебе присылал. – «Атлас археологии» Кунлиффа и другие?

«Когда у меня были силы, да, я читала. Это было единственное, что удерживало меня... в живых?»

– Да, конечно. Большое спасибо за книги.

– Я подумал, что завтра, когда мы покажем новеньким строительную мастерскую, ты сможешь рассказать им, как изготавливаются кирпич-сырец и вересковая кровля. Тебе пригодится практика, ведь когда-нибудь ты тоже будешь преподавать в универе. Ты же знаешь, я передам тебе свое место, когда выйду на пенсию, – сказал Сауль и улыбнулся: у него были великолепные зубы и квадратная челюсть; по правде говоря, он был самым красивым отцом на свете, потому что совсем не походил на папаш ее одноклассниц, лысых, пузатых, неуклюжих – коротко говоря, обычных дяденек.

Ее отец был просто невероятно привлекателен, она знала это всегда. Взгляды подруг, когда он забирал ее из школы, ежедневно сообщали ей об этом красноречивее всяких слов. Ему очень шли черные, с синеватым отблеском волосы, которые унаследовала и Ребекка, и стремление выглядеть моложе: неформальные джинсы, белая футболка, рубашка лесоруба. Но девочке не достались его чуть раскосые зеленые глаза – наполовину колдовские, наполовину ангельские.

Эта мысль вызвала у Ребекки чуть заметную улыбку. Она заметила, что мышцы ее лица отвыкли улыбаться. Она не улыбалась вот уже несколько месяцев.

«Наверное, он все-таки меня любит, раз так заботится обо мне», – подумала она, но не сумела полностью в это поверить. Эти размышления отвлекали ее от задуманного, а второго шанса могло и не представиться.

6. Кантон Соледад

17 ноября 2016 года, четверг

Человеческая цепочка, в которой участвовал каждый из нас, в последний момент спасла Эстибалис от бурной реки, стекавшей по склону холма. Мы спасли ее, ошеломленную и находящуюся на грани переохлаждения, и сразу же заперли дверь часовни, чтобы отгородиться от этой уменьшенной копии Большого взрыва.

– Проверьте свои телефоны; я полагаю, сети нет, – повысил голос инспектор Мугуруса. Град продолжал грохотать по внешней стене часовни Сан-Адриан и отдавался внутри, как в резонаторе.

Проверив гаджеты, мы ответили ему полным участия взглядом: да, мы полностью отключены от внешнего мира и не можем обратиться за помощью.

– Сохраняем спокойствие. Наши товарищи из горноспасательной службы знают, что мы отправились на визуальный осмотр. Они догадаются, что град застал нас в туннеле и мы не можем спуститься. Спасатели дождутся улучшения погодных условий и придут нам на помощь. Нам всего лишь нужно продержаться.

Мы кивнули – говорить никому не хотелось.

Я порылся в карманах пуховика и нащупал профиль сьерры. Дедушка подарил мне на день рождения маленький кусочек дерева, который я пристегнул к брелоку и всегда носил с собой. Это было напоминание о дедовом доме, о том месте, куда я всегда хотел вернуться.

Прикоснувшись рукой к миниатюрному силуэту Сан-Тирсо, я обнаружил прозрачный пластиковый пакетик с миндалем, который дедушка вручил нам с Германом в то утро после завтрака, прежде чем мы отправились на чествование у стены в кантоне Соледад. В той, другой жизни.

Их оставался всего десяток. Орехи, чистейшие белок и глюкоза. Как раз то, что сейчас нужно. Мы поделили их на всех, и они показались нам такими же вкусными, как последний ужин заключенного в «Зеленой миле»⁷.

Семеро выживших – судебный секретарь, доктор Гевара, Мугуруса, двое техников, Эстибалис и я – сидели у самой защищенной стены часовни, тесно прижавшись друг к другу, чтобы сохранять телесное тепло, и ждали, когда смертоносная буря утихнет и вернется обратно в ад.

Я старался не смотреть на черный пакет с Аннабель Ли, который лежал в самом холодном углу часовни, рядом с дверью. Кто бы мог подумать, что так будет выглядеть последняя ночь, которую я с ней проведу... Но с Аннабель всегда было так: ее окутывало дыхание смерти и разрушения. Я не представлял ее в роли матери, существа, дарующего жизнь.

Сам не знаю почему.

Она говорила, что предпочитает жить в своих комиксах, потому что в реальном мире от нее одни проблемы. Творчество полностью ее поглощало, сдерживая таившуюся в ней разрушительную силу. Творчество было плотиной. По крайней мере, она об этом знала. И ни разу не извинилась за причиненное нам зло.

Наступала ночь, а вместе с ней опускалась влага, которая липла к одежде и волосам, к лицу, к шее, к рукам. Все участки обнаженной кожи страдали в эту промозглую ноябрьскую ночь на высоте 1200 метров. Снаружи сыпались ледяные градины, и нам казалось, что мы заперты в холодильнике.

Не знаю, но думал я исключительно об озябших ногах Эстибалис; я растирал их, согревал у себя в пуховике, а она, свернувшись калачиком, прижималась к моему теплему телу. Наши слившиеся тела напоминали беременность огромных размеров.

⁷ «Зеленая миля» – роман С. Кинга (1996) и одноименный фильм, снятый на его основе (1999).

«А как же голова?» – озабоченно подумал я.

Я знал, что у новорожденных больше всего охлаждается именно голова, отсюда все эти голубые и розовые шапочки на фотографиях в «Фейсбуке». Я кутал, как мог, измученную голову моей напарницы, послушной и почти безжизненной от температурного шока, в пуховом гнезде, которое для нее соорудил.

«Не ты. Только не ты. Даже не думай умирать, потому что без тебя я пропаду и не прощу тебе этого».

И я обцеловывал ее лоб и щеки – вдруг мои губы хоть немного согреют эту окоченевшую кожу, усеянную дерзкими веснушками...

«Ты должна и дальше спасать меня, ты мой талисман», – хотелось сказать мне.

И я понял, что это правда, что на этот раз я говорю себе правду. Эстибалис была моим талисманом, хотя ее телосложение свидетельствовало скорее об обратном. Это была моя стена, мой форпост, защитный ров вокруг крепости. Когда она была рядом, я чувствовал, что сила самой природы заботится обо мне. Откровение в ту ночь заставило меня по-другому взглянуть на всю мою жизнь.

«Ты просишь меня о помощи, я поддерживаю тебя. К черту афазию Брока. К черту мою сложную ситуацию с Альбой. Ты позовешь меня, и я приду. И все, и точка. Я выздоровею – в конце концов, я внук своего дедушки».

Но слово «Альба» напомнило мне о разговоре, который состоялся у нас в тот день, после чествования, когда она появилась в кантоне Соледад и попросила меня отвезти ее ко мне домой, потому что собиралась рассказать мне что-то важное. Жалкий эвфемизм, который на самом деле означал: сегодняшний вечер изменит нашу жизнь, какое бы решение ты ни принял.

«Ну, теперь-то ты скажешь, что все это значит?» – написал я ей на мобильном, как только мы поднялись на третий этаж и уселись на мягкий диван у меня в гостиной.

Наверное, глаза мои выжидающе блеснули, но я видел, что ее лицо сейчас невосприимчиво к моим улыбкам, и знал: что-то неладно. Альба сняла белый пуховик и повесила на вешалку у двери. На ней был свободный шерстяной джемпер, который защищал от промозглой виторианской осени.

– Я вернулась на работу месяц назад, и я все еще твой начальник, пусть ты и в отпуске.

«Я помню об этом, поверь...»

– У меня был очень неприятный разговор с твоим неврологом.

Я почувствовал, как мои челюсти сжались; мне не нравилось, как развивалось это... свидание?

– Прошло уже три месяца с тех пор, как ты получил эту пулю, а на консультацию к ней не заходишь и не просишь выдать тебе направление к логопеду. Доктор Альдекоа серьезно обеспокоена, Унаи. Она говорит, что чем дольше ты тянешь, тем труднее будет восстанавливать нормальную речь. Нейронная пластичность имеет предел. В августе твои перспективы были относительно благополучными, но проходят месяцы, а ты так и не начинаешь работать с этой областью мозга...

«Да, ты уже говорила». – Я махнул рукой.

Сначала я посещал доктора Диану Альдекоа чуть ли не с религиозным рвением. Моя невролог была подвижной брюнеткой; ее широко расставленные глаза располагались ближе к вискам, чем к носу, головка была маленькой, окруженной завитушками кудрей, напоминающими телефонные провода. Несмотря на безусловный профессионализм, она была такой энергичной и говорила так быстро, что мне было сложно следовать за ней в течение первых нескольких недель моего выздоровления. Она меня подавляла. Я сильно напрягался и в итоге ходил к ней все реже. Я не был готов к такому напору.

«И поэтому ты здесь», – написал я на экране.

– Отчасти. Но не только. Есть кое-что еще, о чем я должна тебе сообщить, хотя мне предстоит за это расплачиваться, и я не уверена, что через несколько минут между нами по-прежнему будет то, о чем я мечтала.

«Что, черт возьми, ты имеешь в виду?» – растерянno набрал я.

Альба поднялась с дивана и встала передо мной. Я смотрел на нее в упор, а она молча ждала, когда я что-то скажу; но я был слишком растерян и хотел, чтобы она сама начала непонятный разговор.

– Ты ничего не заметил? – спросила она как бы само собой разумеющимся тоном.

Лицо у меня вытянулось, я ее не понимал. Нет, я ничего не заметил.

Она подняла свитер и показала мне свой живот. Гладкая, ровная кожа, которую я все так же желал.

– Я беременна с августа, с праздников Белой Богородицы, Унаи.

Это произошло случайно, само по себе: у меня на губах появилась улыбка. Широкоулыбчатая.

Мое шоковое состояние длилось несколько секунд, ровно столько мне потребовалось, чтобы заметить хмурое выражение ее лица.

«Что? В чем дело? Я знаю, что это не повод начать серьезные отношения, но...»

Я с головой ушел в писанину, чтобы хоть немного погасить охвативший меня пожар и скрыть смущение.

– Сейчас я не могу сказать с уверенностью, чей это ребенок: твой или Нанчо.

Нанчо. Разумеется. Всегда и везде Нанчо. Вездесущий Нанчо.

– За несколько дней до этого я с ним переспала. Я его не хотела, я все время думала только о тебе; это было частью рутины, от которой я не смогла увильнуть. Я не чувствовала ничего, кроме досады, потому что это был не ты. После того, что произошло между нами в подъезде восьмого числа, я больше не могла с ним быть. Я воспринимала это как измену тебе. Хочу, чтобы ты знал: я никогда тебе не изменяла. В общем, я забеременела в те дни, а значит, ребенку теперь...

«Четырнадцать недель», – подсчитал я, пристально глядя на деревянные паркетные доски на полу гостиной. У меня болела голова, просто раскалывалась. Кость под шрамом, продырявленная пулей, ныла, как во время грозы в Вильяверде.

– Четырнадцать недель, – она кивнула.

«С ребенком все в порядке? Ты говорила, что твой первый ребенок страдал какой-то редкой болезнью», – с трудом выводил я на экране. Почему-то тревога за ребенка была моей первой рефлекторной реакцией.

«Ребенок должен быть здоров, ты не можешь пройти через это снова», – подумал я.

– Да, это был несовершенный остеогенез второго типа. Пока не знаю. Болезнь можно обнаружить с помощью ультразвука, начиная с четырнадцатой недели или, скорее, шестнадцатой. Я все держу под контролем. Это рискованная беременность – отчасти из-за истории с моим первым ребенком, отчасти из-за возраста. Поздняя первородящая, говорит мой врач. Унаи, я не имела права скрывать это от тебя, но призналась тебе вовсе не для того, чтобы ты заботился о моем ребенке.

«Может, и моем тоже».

Она снова села рядом со мной на диван и посмотрела на мою руку, не решаясь к ней прикоснуться.

– Дай бог. Надеюсь, что он твой. Когда я узнала, что беременна, я пару недель была в шоке. Пыталась не думать о том, что Нанчо убил двадцать одного человека, что он женился на мне, потому что я помогала ему быть в курсе расследования, что я сосуществовала с интегрированным психопатом, как ты сказал бы. Я решила начать с нуля, закрыть навсегда этот этап жизни. Моя мама приехала за мной в больницу, когда я лежала под наблюдением из-за ригидности и укусов пчел. Она отвезла меня обратно в Лагуардию, и я попросила ее заняться

квартирой, которую делила с Нанчо в Витории. Она раздала всю его одежду и мою тоже. Предметы декора и мебель также отправились на барахолку. Она позаботилась о том, чтобы сдать квартиру в аренду. Я не хотела носить вещи, к которым он прикасался. Я сменила мобильник, выбросила все фотографии. Теперь это своего рода черная дыра в прошлом. Когда кто-то оттуда является, я его блокирую. Забвение – единственный мой способ ответной манипуляции.

«И все же нельзя исключить, что у тебя от него остался ребенок». Когда я набирал последние три слова, мои пальцы дрожали от едва сдерживаемой ярости.

«Будь ты проклят, Нанчо. Будь ты проклят за то, что сделал со мной такое. Это твое самое страшное преступление, твой худший поступок. Испортить будущее нам с Альбой...»

Я встал, ноги у меня похолодели. Я прислонился лбом к влажному оконному стеклу. В полусантиметре от меня, снаружи, Витория лила свои слезы, будто что-то оплакивала. А я чувствовал лишь холод.

– Ты спас жизнь моему ребенку. Будет справедливо, если ты об этом узнаешь, – сказала Альба у меня спиной.

«Что ты имеешь в виду?»

– Помнишь, как ты позвонил мне в тот день из Сан-Тирсо?

Я кивнул.

– Я была в Лагуардии, в башне, у себя дома, смотрела на контуры сьерры, откуда ты мне звонил. На той неделе я записалась на прием в клинику в Бургосе: мне нужна была полная анонимность, и я не хотела, чтобы это произошло в Витории или в Логроньо.

Меня обожгла мысль о том, что мы могли его потерять. Я не был уверен, мой ли это ребенок, но едкая кислота пробежала по венам и достигла кончиков пальцев, которые машинально вцепились в оконную раму.

– Я с ужасом думала о ребенке от Нанчо. Я боялась, что тошнота первых недель означает отказ моего организма рожать ребенка от этого негодяя. Во время первой беременности меня не тошнило. Меня радует, что нынешняя беременность настолько отличается от прежней, – может быть, это потому, что ребенок твой... Погоди, дай мне договорить. Когда ты мне позвонил, я поняла, что не имею права потерять ребенка, если есть шанс, что ты его отец.

«И что ты собираешься делать, Альба? Отдать его на усыновление, если он родится рыжим?» – написал я.

– Тогда я поступлю так же, как поступили с Нанчо его родители. Нет, кто бы он ни был, это все равно мой ребенок. Я думала, что надо будет учиться его любить, но представь себе, любовь пришла сама по себе. Я люблю его так же, как любила первого ребенка... не знаю, как это объяснить. Это как ниточка между ним – сыном или дочкой – и мной. Он стал всей моей жизнью.

– А как же я, Альба? Какую роль я в этом играю?

– Какую сам выберешь. Я все тебе рассказала, ты заслуживаешь знать правду. Но ты не несешь никакой ответственности, если тебе это не нужно. И учти: я не буду делать тест на отцовство.

Я посмотрел на нее в ужасе.

«Не поступай так со мной, не надо».

«Почему нет? Это раз и навсегда избавит нас от сомнений», – написал я.

– Потому что он этого не заслуживает, Унаи. Кто бы ни был его отец – убийца или человек, которого я люблю, – этот ребенок не заслуживает осуждения за то, в чем не виноват. Во всяком случае, последствия этого решения коснутся только меня.

«Она сказала «человек, которого я люблю», – подумал я. Эта фраза врезалась мне в голову. Она оглушила бы меня, услышь я ее всего несколько часов назад, но в сложившейся ситуации стала чем-то второстепенным.

Появилась новая жизнь, требующая принятия новых решений.

Я опять прислонился лбом к стеклу. От холода мне становилось легче.

Терпеть не могу, когда кто-то видит, как я плачу, ненавижу эмоциональный эксгибиционизм, но я с трудом сдерживал зуд, который нарастал у меня под веками.

Это была совсем не та встреча, о которой я мечтал месяцами. В последние дни лета и теплой осенью, когда я спрятался в Вильяверде с ежевичными джемами и отказом выздороветь, Альбе пришлось пережить смерть мужа, осознать тот факт, что он хотел ее убить, что она столько лет жила с психопатом, убившим двадцать детей и молодых людей, смириться с беременностью и принять решение вынашивать ее положенный срок, несмотря на то, что она станет вечным напоминанием о самом худшем, что случилось в ее жизни.

Но для меня это тоже было совсем не просто. Как было бы здорово, если б она сообщила мне эту новость, заверив меня, что ребенок мой, – ее слов мне было бы достаточно. Я стал бы самым счастливым человеком в мире, и мне было бы плевать, что я влезаю в дом через окно, иначе говоря, вхожу в жизнь Альбы с младенцем на руках, и в итоге мы сразу становимся семьей, а не парой. Сын или дочь – и Альба.

Все это еще могло быть.

Такая возможность существовала.

Но сомнения... проклятые сомнения.

Нет, я так не могу. Я себя знаю. Я не могу с этим справиться, для меня это неприемлемо.

Мой мозг психолога-криминалиста производил срочные вычисления: какова статистическая вероятность того, что сын психопата унаследует склонность к психопатии. Какого именно человека я был готов назвать «сыном»?

Я снова мысленно проклинал Нанчо, его отца-врача и измученную мать, а заодно мою двоюродную бабушку Фелису, отдавшую Нанчо на милость ублюдкам, которые вырастили его и превратили в демона.

«Альба, – написал я, – я не могу ответить тебе прямо сейчас. Мне нужно все обдумать...»

Она подошла и прочитала слова на экране, где я подписывал смертный приговор нашему общему будущему в качестве перспективной пары или кем мы там были в течение микросекунды.

Думаю, это был худший момент в тот день, который я навсегда запомнил как один из самых тяжелых в моей жизни. Это выражение, столь свойственное глазам Альбы, выражение достоинства перед лицом огромного разочарования, которое отныне я у нее вызывал. Но она была к этому готова, и это тоже оскорбляло мое самолюбие. Она явилась ко мне домой, готовая к худшему, и это худшее подтвердилось.

Именно в этот миг на «Ватсап» упало сообщение от Эстибалис, где она сообщала о смерти Аннабель Ли. Это был ужасно длинный день, а бессонная ночь собрала все кошмары: призраков прошлого с недвижимым телом Аннабель в черном мешке и настоящего: Альба и ее таинственная беременность.

* * *

Рассвет застал нас на грани душевного истощения. Были мгновения бесконечного утомительного бодрствования; потом мы, семеро выживших, ненадолго погружались в сон.

Благодатное, хотя и робкое солнце заглянуло наконец в оконце часовни. С рассветом прибыли спасатели из Горного союза, готовые оказать нам помощь. Они укутали нас в термоодеяла, напоили водой, смазали кожу жирным кремом, убедились в том, что мы целы и опасность нам не грозит. День был ясный и спокойный, но никто не доверял обманчивой тишине гор после адской бури, разразившейся накануне.

Гойо Мугуруса, как обычно, мужественный и спокойный, посмотрел на хлопчущую возле нас сотрудницу.

– А как же Андони Куэста? Вам удалось... вытащить его?

– Мы нашли его тело на двести метров ниже. Мне очень жаль.

Это было слишком для всех семерых. Никто из нас не осмеливался произнести ни слова. Я назвал бы это полнейшим бессилием и отчаянием.

Отреагировала только Эстибалис: выскользнула из своего одеяла и бросилась прочь из часовни. Я последовал за ней, мне пришлось остановить ее и с силой прижать к стене туннеля.

Невозможно было утешить ее, таких слов не существовало, и я лишь шептал: «Хватит, Эсти. Хватит. Вернемся домой. Здесь нам больше делать нечего».

7. Площадь Белой Богородицы, 2

18 ноября 2016 года, пятница

Три часа спустя, уже в безопасной Витории, я полз как улитка домой из больницы Сантьяго, куда нас доставили, чтобы исключить возможные повреждения, помимо переохлаждения и нервного истощения. Я хотел одного: спать. Сухой матрас и родимое уютное одеяло. Полумрак спальни, где я чувствовал себя надежно, где не страшна никакая буря. Одним словом, дом.

Должно быть, был уже полдень, когда я услышал, как кто-то открыл дверь в мою квартиру. Я одним прыжком вскочил с кровати – я так и не уснул и практически не отдохнул. Я по-прежнему был слишком напряжен и не мог сомкнуть веки. Насторожившись, хотел крикнуть «Герман, это ты?», но изо рта вырвался только гортанный звук, которого не разобрал бы даже я сам. В полной растерянности я выскочил из спальни и увидел на кухне дедушку с пакетами из мясной лавки.

– Твой брат сказал, что ты провел ночь в горах, сынок.

Я рассеянно кивнул.

– Ты, должно быть, еле держишься на ногах... Садись, я принес тебе мясо, чтобы пополнить силы.

«Спасибо, дедушка», – улыбнулся я.

Не было способа убедить дедушку перестать обо мне заботиться. Не то чтобы он меня баловал, – наоборот, он скорее отрубил бы себе руку, чем сделать какую-нибудь поблажку нам с Германом. Просто он точно знал, в какие моменты мне нужна была его помощь.

Я сел на диван в гостиной, машинально глядя на белые балконы с восточной стороны площади Белой Богородицы. Включил мобильный и увидел сообщение в «Ватсапе».

Но первым делом я открыл почту и отправил долгожданное письмо: написал своему неврологу Диане Альдекоа и попросил контактные данные логопеда, чтобы как можно скорее начать реабилитацию. Ответ пришел через минуту. Я назначил встречу и дал себе слово, что не отменю ее и не опоздаю.

Затем вошел в «Ватсап». Сообщение было от Тасио. По-видимому, он узнал что-то еще о чудесном котле, который там, в горах, унес с собой жизнь двух человек – моего коллеги и моей первой девушки, ни больше ни меньше.

«Тасио, вчера не смог ответить тебе, нас завалило градом в туннеле».

«Все в порядке?» – написал он.

«Не для всех, к сожалению».

«Прости... мне очень жаль».

«Я понимаю. Это случилось внезапно... И все-таки продолжим, если ты не против. Так, говоришь, ты что-то нашел? Давай, выкладывай».

«Выкладывай? Ого, Кракен! Визжу, что ты действительно восстановился, раз так хорошишься».

«Тасио, не утомляй меня, – нетерпеливо ответил я. – Ты не представляешь, какой день у меня впереди. Итак, к делу».

«О'кей. На фото, которое ты мне прислал, действительно изображен Кабарсенский котел, найденный в Кантабрии в шахте Пенья-Кабарга столетие назад. Это примерно 900–650 год до нашей эры, бронзовый век. Типичный представитель ирландских или британских котлов, и очень напоминает те, что были найдены в Дублине или Баттерси. Считается, что эта штука была использовалась в религиозных церемониях».

«Ты имеешь в виду кельтские ритуалы?»

«Типа того. Раньше он выставлялся в Музее древнейшей истории Кантабрии в Сантандере, но несколько недель назад его забрали на временную экспозицию в частном музее – он называется МАК, или Музей археологии Кантабрии. Вскоре они сообщили о краже, но новость не вышла за рамки обзора в местной газете».

Я знал руководство МАК – братьев Кастильо, историка и археолога. Мы познакомились несколько лет назад, когда я проходил практику по криминальной психологии в полицейском участке Сантандера, и несколько странных убийств с головой погрузили меня в сложное расследование. Они шли навстречу. Всегда. Это была хорошая новость, такое знакомство явно не помешает.

«Есть какая-то связь между этим котлом и туннелем Сан-Адриан?» – спросил я.

«Я поискал кельтские корни, которые могли бы связывать котел и туннель. Ты же знаешь, в этих местах всегда существовали легенды о подземных ходах, связывающих отдаленные районы. Поговаривают, что в туннеле Сан-Адриан есть галерея, ведущая к некоему колодцу. Якобы одна женщина из Зегамы пошла стирать белье к этому колодцу и пропала. А затем в ручье Итурруцаран в Арайе, деревне недалеко от Залдуондо, нашли человеческую руку».

«Так, пока все ясно. Что еще?»

«В том самом урочище, в Арайе, был найден ара, римский алтарь, посвященный нимфам. Всего в ста метрах от местного металлургического завода на реке Зираунза. Алтарь нашли в воде, буквы едва читались, но кое-что можно было разобрать».

«Нимфы. Римские».

«Нимфы – божества источников, прудов, рек... Они существовали до римлян, которые, как тебе известно, адаптировали и присваивали религиозные верования завоеванных народов. Происхождение нимф кельтское, индоевропейское. Это три Матры, триада богинь-матерей. Очень популярный культ, распространившийся более двух тысячелетий назад по Центральной Европе, Галлии, Британии...»

«А как связан котел с этими божествами?»

«Не перебивай, Кракен. Ты стал более нетерпеливым с тех пор, как научился говорить. Эта триада связана с плодородием природы и человека. Имеется в виду в основном женское чадородие. Матры связаны с гениями кукуллати⁸, они хранители троицы, которая изображается в виде трех фигур в капюшонах и отвечает за плодородие. Посылаю тебе несколько фотографий».

Я просмотрел фотографии: рельефное изображение трех фигур в капюшонах, неплохо сохранившихся, несмотря на древность. Форма капюшона наводила на мысль о фаллической символике этих хранителей.

«Говоришь, они защищают чадородие... Ты имеешь в виду беременность?»

«Ты меня опередил. Да, они покровительствуют беременным. А что, это тебе о чем-то говорит?»

Я не стал рассказывать Тасио о том, что рядом с котлом находится жертва, беременная мертвая женщина. А в нескольких метрах мы нашли ее куртку с капюшоном. Эта троица крепко засела у меня в голове: два местных жителя-горца, отец и сын, и с ними Аннабель... Интересно, эти двое тоже были в капюшонах?

«Ладно. Ты нашел что-нибудь еще?»

«На данный момент это все. Если ты дашь мне какие-либо подсказки, что именно я должен искать...»

«Думаю, этого более чем достаточно, Тасио. Очень тебе благодарен и невероятно ценю твои знания и готовность помочь».

⁸ Гении кукуллати – у континентальных кельтов божества-хранители, которых изображали на посвященных им алтарях в плащах с капюшонами (отсюда и наименование: лат. Cucullus – колпак, капюшон).

«Взаимно. Обращайся, если понадобится помощь».

«Договорились. Ты тоже пиши, если еще что-нибудь вспомнишь. А теперь отключаюсь».

«Одна просьба: если расследование увенчается успехом, сообщи в прессе Витори, что я тебе помогал».

«Это уже слишком», – подумал я, забыв об одержимости Тасио Ортиса де Сарате восстановлением своего пострадавшего реноме.

Затем я прочитал сообщение от Германа, которому первому написал, что мы спасены, и все утро младший брат засыпал меня вопросами, здоров ли я.

«Я в порядке, Герман. Дедушка у меня, готовит картошку с чорисо и чичикис. Будет кормить меня на убой».

«Знаю, я сам его об этом просил. Могу я увидеть тебя сегодня вечером после работы?»

«У меня деловая встреча. Увидимся в выходные в Вильяверде, мне нужно будет передохнуть».

Герман не возражал. Он плотно опекал меня с тех пор, как мне выстрелили в голову, но ведь и он пережил свою драму, и виновен в этом был я: Мартина погибла из-за моей нерасторопности, из-за того, что я вовремя не поймал Нанчо, поэтому я всячески потакал его настойчивому желанию контролировать меня, при том что терпеть не мог отчитываться кому-либо о своих приездах и отъездах.

Я помог дедушке накрыть на стол и позволил ему отвлечь меня рассказом о разрушениях, которые буря вызвала в огороде. Вильяверде тоже досталось, хотя это не шло ни в какое сравнение с градом, обрушившимся на туннель.

Тревожно поглядывая на небо, которое по-прежнему грозило дождем, я составил краткий отчет о Кабарсенском котле и его связи с туннелем Сан-Адриан и распечатал его на принтере. Я решил временно отложить свои первые впечатления об убийце или убийцах – прежде следовало выслушать экспертизу и криминалистов и только потом делать выводы; но голова моя была занята исключительно тем, что я видел в Сан-Адриане.

Я попрощался с бабушкой, который заверил меня, что отлично доберется до Вильяверде на автобусе, и направился в свой бывший кабинет на Порталь-де-Форонда. Я не знал, как мы с Альбой будем встречаться ежедневно после того, в чем она мне призналась, – и все же все мои сомнения, возвращаться к работе или нет, остались позади. Мной овладела новая одержимость, я не хотел отказываться от этой охоты. Я был измотан физически и морально, но горел неизбывным желанием раз и навсегда забыть двойное убийство в дольмене и полностью погрузиться в дело Аннабель Ли, а параллельно – в занятия с логопедом, который покончит с моей афазией.

8. Детский сад на бульваре Сенда

29 июня 1992 года, понедельник

Хота, Асьер, Лучо и Унаи принялись вынимать из рюкзаков свои спальные мешки и стелить их на узких металлических койках. Они выбрали одну из пустующих комнат на первом этаже большого обветшавшего дома, с ходу окрестив ее «комнатой чуваков», и не задумывались, где будут спать остальные участники их проекта.

Никто не обратил внимания, когда одна из девушек – та, что носила симпатичную реплику желтых «Мартенсов» и длинные до пояса волосы – тихо вошла в их спальню, ни у кого ни о чем не спрашивая, выбрала себе кровать и принялась вытаскивать из рюкзака вещи.

– Ты чё творишь? – очнувшись, обратился к ней Асьер колючим, как наждачная бумага, тоном.

– Асьер имеет в виду, что... как хорошо, что ты поселилась в этой комнате, – поспешил Хота, покашляв и окинув Асьера выразительным взглядом.

Хота уже говорил о ней с Унаи, своим лучшим другом. Странная брюнетка нравилась ему с первой минуты, то есть вот уже целых десять часов; для Хоты это было вечностью, а для Унаи – знаком «стоп». И даже больше, учитывая ситуацию Хоты, отец которого лежал в больнице с саркомой поджелудочной железы, сожравшей его через несколько месяцев. Унаи знал толк в смертях, и Хота и его любовные похождения были священны и неприкосновенны.

– Нет, я этого не говорил и не собирался говорить. У нас что, нет комнаты для телок? – напирал Асьер.

– Есть, но там гораздо грязнее, чем здесь, а я астматик, – солгала Аннабель, ни за что на свете не желавшая делить комнату с девочками. – Не собираешься ли ты, Асьер, напугать меня своим плохим настроением? – обратилась она к Асьеру с невозмутимостью, которая очаровала их всех. – Я коллекционирую отказы, чтоб ты знал. И напрасно ты думаешь, что я перееду в другую комнату. Придется тебе смириться. Кстати, Сауль велел всем спуститься вниз, уж не знаю зачем.

И продолжала спокойно распаковывать свои пожитки.

– Кажется, у нас завелась психичка, черт возьми, – пробормотал Асьер, проходя мимо нее. – Ладно, пошли, надо проветриться.

Все ушли – Асьер расстроенный, Лучо заинтересованный, Хота довольный. Унаи отстал, роясь в рюкзаке.

– Сейчас спущусь, – успокоил он остальных, стараясь убедиться в том, что в Вильяверде у него не осталось ни одной футболки. – Трудно поверить, что ты собираешь отказы, – сказал он девушке, когда они остались одни, не глядя на нее и развешивая одежду на вешалках в ветхом шкафу, затянутом паутиной.

– У меня их десятки, – ответила Аннабель и достала из своего черного рюкзака пачку конвертов: одни открытые, другие запечатанные. – Чего уставился? Помоги распечатать последние отказы. Чем раньше начнем, тем быстрее закончим.

Унаи подошел и осторожно присел на соломенный матрас рядом с ней.

– Откуда ты знаешь, что это отказы?

Она пожала плечами и протянула ему несколько конвертов разных размеров и разного географического происхождения.

– По весу – один лист бумаги. Они всегда такие. Мне сказали, что если меня захотят опубликовать, письмо будет длиннее: как минимум два листа. С тобой начинают заигрывать и все такое.

– А в чем они тебе отказывают? – спросил Унаи, с некоторой опаской открывая первый конверт.

– Я – художник-комиксист. В нашей стране комиксов издается не так много, зато в Европе и Америке это целая культура. А уж в Азии – вообще прорва. Я посылаю образец моих комиксов всем издателям, чей адрес удастся раздобыть. Чем крупнее издательство, тем лучше: отказ звучит категоричнее.

– Но зачем тебе это нужно? Ты что, мазохист?

– Отказы делают меня сильнее. Заставляют рисовать. Мне всякий раз трудно начать, и я боюсь потерять мотивацию. Мне нужно, чтобы меня все время отвергали; нужно злиться, чтобы продолжать. Я не вижу другого выхода, я уже много лет изучаю собственный творческий процесс. С тех пор, как мы перестали видеться, Унаи... – Последнюю фразу она произнесла чуть слышно – ее взгляд пересекся со взглядом юноши, который ничего не понимал.

Несколько секунд две пары черных глаз сражались друг с другом. Юноша отвел взгляд первым.

«Вот уж и вправду психичка», – подумал он, немного отстраняясь.

– Ты меня не помнишь, верно? – Она спокойно улыбалась, видя его недоумение. – В какой детский сад ты ходил в детстве?

– Детский сад? В Витории? На бульваре Сенда, там, где поезд во дворе и... – Он прервался, что-то припоминая.

– Ты все еще меня не узнаешь? Мы знаем друг друга с детства; в детском саду мы были неразлучны. Я – Ана Белен Лианьо, хотя свои рисунки подписываю как Аннабель Ли в честь героини стихотворения Эдгара Аллана По. Ты наверняка его знаешь.

Не то чтобы Унаи читал Эдгара По больше того минимума, который им задавали на уроках литературы, но все слышали по «Радио Футуро» песню, которую часто крутили в барах Куэсты. Она была о подростках – женихе и невесте; невеста умерла, и благородные родственники забрали ее тело, чтобы похоронить в гробнице на кладбище возле бушующего моря.

– Ана Белен? – пробормотал Унаи, пытаясь вспомнить те туманные годы. – Я думаю, да... Кажется, я помню это имя. И что... что тогда случилось?

– Мы были женихом и невестой, влюбленными детьми. Все было так, как в том стихотворении: наша любовь была настолько сильна, что даже ангелы небесные нам завидовали.

Унаи все отчетливее вспоминал ту девочку, свою подружку, с которой держался за руки, а она чмокала его в нос липким поцелуем.

– Я нарисовала тебя тогда, в садике. Благодаря тебе я стала тем, кто я сейчас.

«Точно: рисунок. Вспоминай, что это был за рисунок...» – думал Унаи.

Она рассуждала как сумасшедшая, – и все-таки была притягательна, словно маяк, от которого невозможно отвести взгляд.

– Жизнь снова свела нас вместе, – решительно заключила Аннабель Ли, пожимая ему руку.

Не то чтобы Унаи не хотелось чувствовать рядом ее руку, губы и все такое, но она застала его врасплох, и он отшатнулся, как будто его ударило током. Его реакция ей не понравилась, очень не понравилась.

– Что, между нами что-то изменилось?

– Э-э... Ана Белен...

– Аннабель Ли, – поправила она. – Я – Аннабель Ли.

– Аннабель Ли, с точки зрения здравого смысла я только что с тобой познакомился; не то чтобы ты мне не нравилась, конечно же, это не так, – забормотал он – и даже вспотел, не в силах поверить, что произнес эту фразу; ему показалось, что мозг его будто бы стал прозрачен.

– Значит, я ошибалась все эти долгие одиннадцать лет, – сказала Аннабель так, словно ей уже исполнилось сто, и одиннадцать лет – семьдесят процентов их жизни – означали для нее меньше, чем дуновение ветра.

Она была странной девушкой, слишком много воображения для практического ума Унаи. И все же невозможно было перестать от нее зависеть.

– Хотя, ты нравишься Хоте, – без раздумий выпалил Унаи, вскакивая с матраса, полного искушений. – А Хота – мой лучший друг, к тому же у него отец умирает от рака. У него и так крыша поехала на Сан-Пруденсио, когда он ввязался в драку, и его убили бы, если б Лучо, Асьер и я не прибежали на помощь; но с тех пор он бухает по пятницам, что очень нас просто бесит. Плохи его дела, совсем плохи. И отец у него был, то есть он и сейчас такой же, – поправил себя Унаи, – в общем, отец очень строгий, а мать ничего об этом не знает, но мы прикрыли его как могли и записались все вместе в эту кантабрийскую деревню, чтобы вчетвером как-то его контролировать и чтобы он немного передохнул от своих больниц, а ты ему понравилась сразу, как только он увидел тебя в поезде, и я не могу его обойти, понимаешь?

Унаи тут же пожалел об этом. Какой промах, какой недостаток лояльности и осмотрительности по отношению к лучшему другу!.. Полное дерьмо, короче. Как будто мало было Хоте всего того, что с ним случилось. Он тоже все это пережил, но его спас дед. А у Хоты нет такого деда, как у Унаи. У него есть дядя, который прессует его за оценки, и мать, которая, как он уже говорил, ничего не понимает.

– Так значит, Хота, – ответила Аннабель, поразмыслив. – Ладно, Унаи. Я понимаю.

– Хм ... правда?

– Да, я понимаю. Я ждала одиннадцать лет, но я не спешу, у меня есть комиксы. Иди спокойно вниз; они разозлятся, если ты не придешь.

Унаи в три прыжка спустился по скрипучей деревянной лестнице и присоединился к своей тусовке, которая уже всюю поела картофельный омлет, устроившись за длинной деревянной доской, выступавшей в роли стола.

* * *

– Хота, пойдем-ка на улицу, вынесем мусор, – попросил Сауль, когда они закончили уборку.

Подхватив мешки, Хота последовал за ним к контейнерам, стоящим за пределами сада, окружавшего дом.

Они молча брели среди деревьев, ночь была теплой, Сауль провожал его к выходу.

– Слушай, не хочу вмешиваться в твою жизнь, но я слышал в автобусе, что тебе нужно куда-то ежедневно звонить, что это важно. Могу я тебе чем-то помочь?

Хота хмурился, неуверенно переминаясь с ноги на ногу. Он по жизни был такой – все считали его ранимым и беззащитным, опекали и старались хоть как-то улучшить его жизнь. В целом Хоту это вполне устраивало, но... По правде говоря, на этот раз ему и вправду нужна была помощь.

– Отец лежит в онкологии в больнице Чагорричу. Рак поджелудочной железы. Мне нужно созваниваться с семьей каждый день, а то вдруг... Вдруг ему станет хуже и мне придется вернуться. Не знаю, есть ли телефонная будка в Кабесон-де-ла-Саль...

– Конечно, есть. Я провожу тебя.

– Это не обязательно, честное слово. Правда, Сауль, не надо.

– Я знаю, у тебя уже есть волосы на яйцах и ты не ребенок. Дело не в этом, чувак, – сказал Сауль, положив руку на его острое плечо: парнишка был мелким, тщедушным, совсем еще ребенок. Птенчик, молоко на губах не обсохло. – Видишь ли, мой отец умер от рака, оставил нас со старшей сестрой, мы были еще совсем детьми, и...

– Я не хочу быть архитектором, – перебил его Хота, не в силах сдержаться. – Отец умирает, а я думаю только о том, что не хочу быть архитектором. А этот эгоист требует, чтобы, пока он жив, я пообещал ему, что стану архитектором. Блин, не хочу тратить пять лет жизни на

чертежи, макеты и подрамники. Когда он умрет, дядя Хулиан собирается стать моим вторым отцом; он заставит меня поступить на архитектуру. Они уже обо всем договорились, я как-то подслушивал их в коридоре. Они говорят обо мне так, будто я их проект...

Сауль внимательно слушал. История была ему знакома: нечто подобное когда-то происходило и в его жизни.

– Видишь ли, Хосе Хавьер...

– Хота. Хосе Хавьер – мой отец, а я Хота, только первая буква от имени. Остальное я должен еще заслужить, понимаешь?

– Конечно, Хота. Ты молодец, – заметил Сауль. Он сочувствовал мальчику, которым некогда был сам: отец-абьюзер, будущее, небрежно начерченное чужими руками, ужасный комплекс из-за то, что ничего не добился в жизни... – Моя сестра заведует отделением эндокринологии в больнице Вальдесилья в Сантандере. У нее есть контакты, как у нас, так и за рубежом. Она разъезжает по всяким международным конгрессам и узнаёт все самое свежее, в том числе и в области онкологии. Можно сделать вот что: если твоей семье нужно мнение еще одного специалиста, я могу подержать за нужные нити, и твоего отца осмотрят лучшие врачи. Достать бы деньги...

– Не, бабок точно не надо, – отрезал Хота. Он терпеть не мог говорить о деньгах. Все знали, что семья у него небедная, хотя ему казалось, что это не его привилегия. – Поговорю об этом с мамой и дядей. Большое спасибо, Сауль. За поддержку и все такое. Мы только что познакомились, а ты...

– Мне предстоит заботиться о вас три недели. Что угодно, Хота. Что угодно. Если ты не в форме, или вдруг депресняк, или в какой-то момент тебе не захочется идти в деревню и строить хижину... не воспринимай это как обязаловку. Это другое. В большей степени развлечение, чем работа, понимаешь?

– Ладно. Скажи, где в этом городе телефон, а то поздно будет звонить в Чагорричу.

– Знаешь, как мы поступим? – Он протянул Хоте ключи. – Умеешь водить?

– Да, но водительские права...

– На этой дороге в такое время никого нет. Поедем в Сантильяна-дель-Мар, заодно немного развеешься. Сегодня за рулем ты, – сказал Сауль с той улыбкой, которая, как он знал, неизменно производила впечатление на его студентов. Ему не нужно было даже подмигивать: подобные ужимки он хранил для особых случаев.

Водить Хота обожал: за рулем он чувствовал, что на этот раз сам распоряжается крошечной частью своего существования, своей повседневной жизнью. На его лице мелькнула улыбка. И когда мать рассказала, как тяжело отец реагирует на процедуры, ее слова ранили его чуть меньше, чем в предыдущие месяцы. Расстояние, близость Аны Белен и дружеское участие Сауля помогали ему по-новому взглянуть на жизнь хотя бы в течение двадцати одного дня, прежде чем он вернется к своей повседневной Голгофе отцовского рака и школьного прессинга.

* * *

В этот самый момент Ребекка воспользовалась отсутствием отца, подошла к Асьеру и под каким-то глупым предлогом утащила его на кухню. И все ему рассказала.

Все.

Даже самое стыдное.

Внезапно Асьер перебил ее, не давая продолжить.

– Заткнись, – раздраженно отрезал он. – Ни слова больше. Не рассказывай мне о своей жизни, детка. Я не Ганди. Не знаю, с чего ты взяла, что я Ганди. Ничего подобного. Даже не подходи ко мне, не хочу слышать всю эту чушь.

«Гадкая шлюшка»», – подумал Асьер, выскакивая из кухни, словно на него пшикнули из баллончика.

Вскоре Ребекка тоже вышла из закопченной кухни. У нее дрожал подбородок, но она держала себя в руках, чтобы не зарыдать на глазах у людей.

Надо же так облажаться...

Уже не в первый раз.

Отныне ей было ясно как никогда: ее снова положат в больницу. Это ее последнее лето на свободе.

9. Лакуа

18 ноября 2016 года, пятница

Через полчаса я сидел за столом для совещаний в зале заседаний штаб-квартиры в Порталь-де-Форонда. Рядом сидела Эстибалис, рядом с ней – двое не знакомых мне людей, а также доктор Гевара и Мугуруса, инспектор-криминалист. С собой у меня был планшет, чтобы быть более оперативным, если придется высказать свое мнение.

У всех оставшихся в живых после бури были мешки под глазами, изможденные и измученные лица. Я готов был поклясться, что ни один из нас не чувствовал ни малейшего желания участвовать в этом собрании. Комиссар Медина, наш начальник, человек лет шестидесяти с мощными бровями и бородой волхва, вошел в зал, торжественно протянул каждому из нас руку и выразил соболезнования.

Следом за ним незаметно вошла Альба Диас де Сальватьерра. На ней было черное пальто, скрывавшее фигуру; волосы собраны на затылке, лицо серьезнее, чем обычно. От меня не ускользнуло, с каким облегчением она в течение секунды рассматривала меня, словно желая убедиться в том, что я цел и невредим. Это подхлестнуло мою самооценку. Я был признателен ей за это искреннее беспокойство.

– Во-первых, – начал комиссар с задумчивым видом, – я восхищаюсь профессионализмом, целеустремленностью и человеческими качествами, которые вы продемонстрировали вчера в экстремальной ситуации, когда на карту была поставлена сама ваша жизнь. Мы гордимся тем, что вы являетесь частью нашего коллектива. Во-вторых, все мы крайне опечалены потерей нашего сотрудника Антони Куэсты. Завтра на кладбище Сальвадор состоится прощание с телом, но вдова предпочитает похороны в кругу семьи, и нам остается лишь с пониманием отнестись к ее желанию. Я знаю, что вы устали, и это внеплановая встреча, поэтому не стану задерживать вас дольше необходимого. Итак, уступаю место заместителю комиссара Сальватьерре.

– Я очень благодарна вам за то, что пришли на это собрание после того, что вам пришлось пережить, – сказала Альба вместо приветствия. – Признаться, я тоже не спала всю ночь, ожидая вестей о вашем спасении. Учитывая крайне неблагоприятные обстоятельства, с которыми мы столкнулись при расследовании этого убийства, а также ущерб, нанесенный стихией всему нашему подразделению, нам придется задействовать все ресурсы, чтобы раскрыть это дело. Также сообщаю вам, что судья Олано объявил следствие строго секретным, так что вся информация, которая к нам поступает, является конфиденциальной. На данный момент у нас в запасе месяц; если расследование к этому времени не закончится – а я надеюсь, что такого не случится, – мы попросим его продлить этот приказ. Мы не хотим, чтобы пресса играла определяющую роль, как в прошлом деле о серийных убийствах. Мы должны любыми силами избежать коллективного психоза, который переживал наш город в последнее время. И, конечно, если это начало серии, мы не имеем права допустить, чтобы преступник оставался на свободе. Думаю, все вы понимаете, как давит на нас Совет безопасности, чтобы мы как можно скорее нашли виновника и чтобы прискорбная ситуация, сложившаяся в Витории, более не повторялась. Короче говоря, время пошло.

Альба сделала паузу, чтобы мы лучше осознали сказанное. Никто из нас не произнес ни слова.

– Наши товарищи из Департамента связи будут крайне осторожно обращаться с данными, передаваемыми СМИ. Относительно вчерашнего прессе известно лишь то, что на алавесской стороне перевала Аискорри-Арац найдена погибшая альпинистка и что сотрудник полицейского участка скончался во время выполнения своей работы. Мы не будем указывать ни имена, ни инициалы, никаких данных о том, что он принадлежал к подразделению экспертизы. Пред-

ставим это дело как несчастный случай в горах. Мы знаем, что это несправедливо по отношению к работе, которую выполнял при жизни Андони Куэста, но его вдова согласилась с нашей политикой предельной осторожности. А сейчас инспектор Гауна, присутствующая при визуальном осмотре, расскажет, что мы имеем на сегодняшний день.

– Спасибо, – сказала Эстибалис, откинув рыжую челку. Я никогда раньше не видел у нее под глазами таких темных кругов. – Итак, всем добрый день. Если возражений нет, я перейду к делу. Установлена личность жертвы: Ана Белен Лианьо, тридцать девять лет, уроженка Витории, незамужем; беременна на сроке около пяти месяцев, однако точные данные покажет вскрытие. Художница-комиксистка, известная в узких кругах или же практически неизвестная, это зависит от точки зрения. Мы предупредили семью; в живых у нее только мать, братьев и сестер нет. Кроме того, у нас имеются данные, которые могут иметь решающее значение для расследования: она была той самой виторианкой, которой достался приз «Бонолото»: три миллиона евро.

– Да неужели... – не выдержала доктор Гевара, затем кашлянула и сделала невозмутимое лицо.

– Именно так, – подтвердила Эсти. – Наш коллега Андони Куэста должен был уведомить нас об этом во время визуального осмотра, когда проводил инвентаризацию бумажника, найденного в нескольких сантиметрах от трупа. К счастью, он тщательно спрятал бумажник; это один из немногих предметов, которые удалось спасти. Мы знаем, что жертва положила деньги в банк и получила квитанцию, которая не была украдена и лежала в бумажнике.

Мы оцепенели, изумленно глядя на квитанцию, как на золотой билет с шоколадной фабрики Вилли Вонки⁹. Аннабель – и три миллиона евро...

Две несовместимые реалии, две прямые, которые не пересекаются.

Ана, ни во что не ставившая материальное благополучие, – что собиралась она сделать с тремя миллионами евро?

– Это более чем возможный мотив для убийства, – пробормотала Альба, высказав то, о чем думал каждый из нас. – Надо срочно исследовать ее окружение, выяснить, имелись ли у нее долги, не было ли рядом кого-то с серьезными экономическими проблемами... Словом, вы знаете, в каком направлении искать.

– Что-нибудь известно о котле, инспектор Мугурса? – спросила Альба.

– Спасатели нашли его довольно далеко от туннеля, – ответил инспектор, поправляя темные очки. – Он в плачевном состоянии: град оставил на нем следы, которые еще предстоит оценить реставраторам музея. Понятное дело, все нужные нам следы исчезли, поэтому мы не знаем, оставили ли их те двое горцев или это отпечатки убийцы. То же самое касается следов автомобилей, которые мы собирались обработать: буря все уничтожила. Похоже, мы ищем самого удачливого убийцу в мире, если можно так выразиться.

– Что-нибудь еще? – настаивала Альба.

Меня поразило ее лицо, когда я вытащил отчет с археологическими данными, предоставленными Тасио о Кабарсенском котле, и протянул ей. На нем читалось не только удивление, но и уважение, и даже восхищение – именно то, что я, по моему мнению, утратил в ее глазах.

Затем Альба прочитала отчет вслух, а остальные внимательно слушали. В другое время рассуждения о кельтских обрядах заставили бы нас вытаращить глаза, но после недавнего дела с эгускилорами, тисовым ядом и дольменами женщина, подвешенная на дереве и частично погруженная в бронзовый кельтский котел, не казалась нам чем-то из ряда вон выходящим.

– Спешу также сообщить вам, что инспектор Айяла, которому все мы желаем скорейшего выздоровления после ранения, – продолжала моя начальница, – возможно, будет вести вместе с нами это расследование в качестве эксперта по профайлингу убийцы. На данный момент

⁹ Вилли Вонка – герой сказочной повести Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика» и одноименных экранизаций.

перед нами только одно убийство, но, учитывая его особенности, инспектор Гауна займется поиском подобных преступлений в прошлом – как в нашей провинции, так и повсюду, где кельтская или кельто-иберийская культура имела хоть какое-то влияние.

«Она сказала «возможно», – разочарованно подумал я. – Разве я еще не увяз в этом деле с головой?»

Я посмотрел на Альбу, требуя объяснений, но, не обратив на меня внимания, она продолжала:

– Учитывая приоритетность этого расследования в общей повестке, мы с комиссаром решили расширить отдел уголовного розыска, так что я хочу официально представить вам заместителя инспектора Ману Пенья и первого агента Милан Мартинес. Заместитель инспектора прибыл к нам из полицейского участка Сан-Себастьяна, где он также работал в угрозыске, поэтому в наших делах не новичок. Милан до сегодняшнего дня работала в Центральном отделе преступности в области информационных технологий. Она сама попросилась сотрудничать с нашим подразделением, и мне кажется, что это пойдет нам на пользу, учитывая, что во всех уголовных расследованиях мы в конечном итоге обращаемся к интернету. Надеюсь, теперь мы станем оперативнее.

Пенья приветствовал собравшихся легким кивком головы. Он производил впечатление человека неробкого, умного и опытного. У него были очень светлые, при этом состриженные чуть ли не под ноль волосы, длиннющие прямые бакенбарды, доходившие почти до рта, и очень светлые, лишенные ресниц глаза; Эстибалис наверняка сказала бы, что он привлекателен. Возраст – около тридцати. Я заметил, что у него слегка дрожит правая рука; может быть, он нервничал, а может, давал о себе знать какой-нибудь необычный для его возраста диагноз. На нем была черная джинсовая куртка и полосатая матросская тельняшка, пахнущие табаком. Ману мне сразу понравился. Он выглядел опытным парнем; такое подкрепление нам бы очень пригодилось.

Что касается Милан, ее габариты, признаться, сбивали с толку. Она была одной из самых крупных женщин, которых я когда-либо видел. Трудно сказать, каков был ее рост, метр восемьдесят или что-то в этом роде; к тому же она была крепкая, несколько мужиковатая. Не слишком ухоженные каштановые волосы, не то прямые, не то чуть вьющиеся, возвышались над черепом сплошной массой. Она немного горбилась, выставив вперед плечи, однако через пару десятков лет эта едва наметившаяся сутулость грозила превратиться в настоящий горб. Я представил себе ее непростую жизнь и понял, что человек она замкнутый и недоверчивый. К счастью, люди, подобные Милан, вместо того чтобы наносить ответные удары, предпочитают шагать по светлой стороне жизни и наказывать злодеев исключительно во время рабочего дня. Милан кого-то мне напоминала, но я так и не нашел источник этого смутного чувства.

Она поздоровалась, откашлялась и забилась обратно в свой угол, как испуганная улитка. Я улыбнулся ей, чтобы как-то приободрить. Первые собрания в новом подразделении даются новичкам непросто.

Итак, целая команда из трех человек. Со мной нас будет четверо, если заместитель комиссара позволит мне вернуться в строй. Отличное начало: больше сотрудников, больше энергии, больше времени, чтобы нам с Эстибалис поменьше заниматься бюрократией и сосредоточиться на главном.

– Инспектор Гауна, вы за главного. Передаю вам слово.

– Милан, Пенья, рада, что вы с нами. Вы нам очень поможете. Я хочу, чтобы вы поговорили с окружением Аны Белен Лианьо, с матерью, друзьями, близкими, коллегами по работе. Самое главное на текущий момент – выяснить, кто отец ребенка, которого она вынашивала. Имелся ли у нее парень или стабильный партнер, жила ли она с кем-то... Важно определить, был ли это желанный ребенок, не спровоцировал ли он своим появлением какой-то конфликт... Отмечайте все, что покажется странным. Милан, поскольку мы не нашли ее

мобильный телефон, сейчас шерстите социальные сети. У нее были аккаунты в «Фейсбуке», «Инстаграме», «Твиттере» и так далее, она делилась с подписчиками своими работами и эскизами, а заодно загружала личные фотографии. Ищите, не было ли у нее какого-нибудь дежурного «тролля», особо упорного хейтера или чокнутого поклонника. Что касается мобильного телефона, найдите номер и свяжитесь с ее оператором, чтобы тот предоставил нам доступ к сетевым службам. Составьте мне список всех ее последних звонков и местоположений... Короче, копайте все, что только можно.

Эсти на мгновение осеклась, заметив, что Милан что-то быстро записывает на кричаще-розовом стикере.

– У вас там все поместится?

– Постараюсь, – ответила она, и лицо ее мигом приобрело оттенок стикера.

– В следующий раз захватите блокнот, это более практично, – посоветовала Эсти, не слишком жестко, не слишком мягко.

– Стикеры мне больше подходят, – пробормотала Милан себе под нос. – Я могу засунуть их в любой карман, места они не занимают. Не волнуйтесь, шеф, я ничего не потеряю.

– Как хотите, – не очень убежденно продолжала Эстибалис. – Итак, продолжаем. Мы обратимся к судье, чтобы тот разрешил нам запросить ее данные в банке, куда она депонировала три миллиона евро. Как эксперт по виктимологии, я определила бы три рабочие гипотезы. Первая: ее убили из-за беременности и возможного конфликта, который эта беременность породила в ее окружении. Второе: убийство было совершено из-за денег. Третье – и не дай бог, чтобы эта гипотеза оказалась основной: перед нами кельтский ритуал, о чем свидетельствует способ убийства и вся атрибутика. Подвесить женщину вниз головой, частично погрузив в котел, которому почти три тысячи лет... К тому же убита она была в очень неудобном месте: на горном перевале, где проходит граница между двумя провинциями, в туннеле, который с доисторических времен служил дорогой.

Я воспользовался минутой, чтобы позаимствовать у Милан один из ее розовых стикеров, и быстро написал записку Эстибалис. Та прочитала ее и кивнула.

– По совету инспектора Айялы, я также считаю необходимым, чтобы вы отследили всю творческую деятельность Аны Белен Лианьо, или Аннабель Ли, как она обычно подписывала свои комиксы. Возможно, дома у жертвы имеются экземпляры опубликованных комиксов. Допросите ее мать или партнера, если таковой имеется. Если никого не найдете, узнайте, в каких издательствах она издавалась, и свяжитесь с редакторами. Как только комиксы окажутся у вас, проверьте их на предмет каких-либо символов, которые мы видели на месте преступления: кельты, котлы, повешенные, беременные...

– А что насчет горцев, которые ее нашли? – вмешалась заместитель комиссара.

Я как раз собирался написать Эстибалис тот же вопрос, но Альба оказалась первой. Из головы у меня не выходила троица в капюшонах, о которой рассказывал Тасио.

– Они дали свидетельские показания, вот отчет, – ответила Эсти, раздавая листы присутствующим. – Краткое резюме: Хосе Мари Гармендиа-отец и Хосе Мари Гармендиа-сын, пятидесяти и восемнадцати лет от роду соответственно. Жители Араи, соседней деревни, откуда обычно начинается подъем к туннелю Сан-Адриан по алавесской дороге. У отца есть небольшая кузница, где до сих пор все делается по традициям дедушек, которые, по его словам, работали на ныне заброшенном сталелитейном заводе в Аджурии. Дела явно идут так себе – он уволил всех работников и не может позволить себе оплачивать услуги даже собственного сына. Судя по данным в отчете, юноша числится безработным и не имеет права на получение пособия по увольнению. Хосе Мари-отец говорит, что потому они и отправились в четверг в горы – он хотел подбодрить сына, в мастерской все равно работы не было. Он утверждает, что перед входом в туннель они увидели тело, висящее на дереве – оно раскачивалось из стороны в сто-

рону, скорее всего, под воздействием ветра, – и сразу побежали к нему. И тут заметили, что голова опущена в котел.

– Он так и сказал – «котел»? – спросил Пенья.

– Да, здесь с самого начала значится слово «котел», – ответила Эстибалис, пожав плечами. – Не кастрюля, не сковородка, не какая-то другая посуда. По-моему, это нормально – у него своя кузница, и уж он-то способен отличить котел от кастрюли.

– Мы можем увидеть на фотографии, как именно стоял этот котел? – настаивал Пенья, протягивая дрожащую руку к центру стола.

– Да, к счастью, мы сумели спасти фототехнику, но я с самого начала присутствовал при осмотре, и вы можете задавать мне любые вопросы, – вмешался Мугурса.

– У котла выпуклое дно, и поставить его на землю невозможно; так что кто-то должен был его придерживать, пока голову погружали в воду. Она же наверняка отбивалась.

– Да, она сопротивлялась, – подтвердила эксперт-криминалист. – На теле имеются синяки, указывающие на то, что она билась головой и извивалась, пока была жива. Вскрытие я проведу сразу после нашей встречи, однако и на глаз можно установить, что повреждения соответствуют размерам котла.

– Вот, – сказала Эстибалис, листая отчет, и прочитала вслух: – «Свидетель утверждает, что котел стоял в центре небольшой груды камней, которые кто-то сложил вокруг этого предмета, чтобы придать ему устойчивость».

– А где эта куча камней на фотографиях? – спросил Пенья, передавая нам панорамные снимки и фото со среднего расстояния. – Я ее не вижу. Кто-нибудь видит?

– Когда мы прибыли, котел лежал на земле в нескольких метрах поодаль; свидетели сказали, что они убрали его, чтобы оказать помощь девушке, воду вылили, отбросили котел в сторону и больше к нему не прикасались. Думаю, камни рассыпались, когда они пытались спасти жертву и определить, жива ли она. Похоже, именно камни удерживали котел вертикально, если они там вообще были.

– Итак, что у нас есть на текущий момент, инспектор Гауна? – спросила Альба.

– У нас есть отец и сын, в отличной физической форме и с финансовыми проблемами, утверждающие, что нашли жертву мертвой, и куча отпечатков на котле, послужившем орудием убийства, восстановить которые невозможно. Нам предстоит найти отца ребенка, которого она вынашивала. А еще у нас есть беременная художница-комиксистка с тремя миллионами евро.

«Думаю, для начала неплохо», – подумал я.

– А что, если отец и сын устроили вечеринку с участием Аны Белен Лианьо, и что-то пошло не так? – спросил Пенья.

– Это вопрос к нашему профайлеру, – ответила Эстибалис.

Остальные коллеги пока не знали, что я знаком с Аннабель Ли, а моя напарница по-прежнему меня прикрывала.

– Инспектор Айяла, что вы на это скажете? – посмотрела на меня Альба.

Я написал на планшете и показал собравшимся:

«Насколько я могу судить, исключить этого нельзя. Но в этом сценарии нет ничего сексуального. Помимо прочего, жертва одета в спортивную одежду, на ногах у нее горные ботинки. Мы можем предположить, что ее не похищали, по крайней мере, не привезли из Витории: она изначально находилась в горах или где-то поблизости. Это не имеет ничего общего с обычными сценами оргий, когда в играх с кислородной депривацией используют пластиковые пакеты. Погружение головы в старинный котел и подвешивание жертвы за ноги не имеет выраженного сексуального мотива. Это слишком трудоемко для исполнения. Не думаю, что это рабочая версия. Что скажете, заместитель комиссара?»

– Пока ничего, инспектор, – пробормотала Альба.

Я написал еще один вопрос и передал его Эстибалис.

– Так, еще кое-что, – сказала моя напарница и обратилась к начальнику экспертизы: – Мугуруса, а вы не помните, были ли горцы в толстовках или куртках с капюшоном?

Пенья удивленно посмотрел на нас обоих.

– Ну да, оба были в куртках с капюшонами, вроде той, которую мы нашли в нескольких метрах от трупа и которая, по всем признакам, принадлежала девушке. А что, есть разница, были ли все трое в капюшонах или нет?

«Боюсь, это очень важно, если мы возьмем за основу гипотезу кельтского ритуала: например, все трое участвовали в проведении водного обряда Матр», – написал я на планшете и снова показал присутствующим.

Мы с Эстибалис с беспокойством переглянулись, после чего она сказала:

– Думаю, съезжу-ка я в Арайю, допрошу горцев. Возможно, о своих взаимоотношениях с Аной Белен Лианьо и Кабарсенским котлом они рассказали нам не все.

10. Сквер у стены

18 ноября 2016 года, пятница

Как только встреча закончилась, Эстибалис отправилась в Арайю, намереваясь как можно скорее взять показания у отца и сына Хосе Мари. Допрашивать их в Лакуа было бы излишне, но опросить на месте стоило. Что-то не складывалось в этой внезапной встрече горцев с телом девушки и котлом.

Мне тоже хотелось поехать с Эсти, однако пришлось остаться: моя афазия только помешала бы в получении информации. Через несколько минут коллеги исчезли, зал заседаний опустел, остались только мы с заместителем комиссара Сальватьерра.

Альба закрыла дверь за Пеней и Милан и попросила меня не вставать со своего места.

– Сидите, инспектор Айяла.

«Как вам угодно», – кивнул я.

– Ваша напарница, инспектор Гауна, – начала она, – хочет, чтобы вы сотрудничали с нами в текущем расследовании в качестве эксперта. Что и говорить, если я решу удовлетворить ее просьбу, мне придется дать множество объяснений начальству. Мы с ней прекрасно понимаем, что вы не способны работать так, как привыкли. Не можете проводить допросы, брать показания свидетелей; куда бы ни отправились, из-за своей афазии вы будете привлекать к себе слишком много внимания, а в уголовном расследовании – и вы это знаете не хуже меня – жизненно важно оставаться незамеченным, а тем более в этом деле, где решающее значение имеет тайна следствия. Короче говоря, у меня есть большое искушение отправить вас домой или в вашу деревню и пожелать вам скорейшего выздоровления.

«Я хочу заняться этим делом. Я действительно могу быть полезен», – написал я на экране.

– Если б вы хотели вернуться к работе, то начали бы речевую реабилитацию еще несколько месяцев назад. Занявшись ею вовремя, сейчас вы были бы практически в форме. Однако все продолжается так же, как в тот день, когда вы очнулись от комы.

Я сжал челюсти: Альба была мною недовольна, и я ее понимал. Я требовал, чтобы она просила за меня комиссара Медину, а сам палец о палец не ударил.

Но дело Аннабель Ли было слишком личным, чтобы оставаться в стороне, позволив другим расследовать его. Мне даже не приходила в голову такая возможность. Я знал жертву, имел представление о том, что у нее в голове и насколько все это важно, чтобы поймать и посадить в тюрьму того, кто подвесил ее за ноги и сунул головой в котел.

Помощник комиссара повернулась и уставилась в окно на машины, проезжающие мимо Порталь-де-Форонда. День подходил к концу, а терпения моего оставалось и того меньше: еще секунда, и я был готов закричать.

«Ты злишься из-за вчерашнего, понимаю», – написал я. – *Но расследование не имеет ничего общего с нашей ситуацией, и я бы не хотел, чтобы личное хоть как-то повлияло на работу».* – Я протянул ей планшет, чтобы она прочитала написанное.

– Хоть как-то повлияло... – прошептала Альба, не глядя на меня. – Мой дорогой Унаи, неужели ты правда не понимаешь, что «наша ситуация» очень даже повлияет на мою работу? Через пару месяцев беременность станет заметна, несмотря на просторную одежду. Мое начальство, мои коллеги и подчиненные прикинут и решат, что я беременна от серийного убийцы. Это в лучшем случае. А в худшем сделают вывод, что мы были вместе и что я закрутила интрижку с одним из инспекторов, с подчиненным, будучи при этом замужем. Ты хоть представляешь, что мне придется пережить во время беременности? И надеешься, что это не повлияет на нашу работу?

Она печально вздохнула – в ней чувствовалась беспомощность.

– Не знаю, в каком воздушном пузыре ты живешь, Унаи. Эта беременность поставит на мне клеймо – и на работе, и на жизни... Тем не менее я приняла решение и вернулась к работе, несмотря на то, что должно произойти. И да, еще раз готова повторить: я считаю, что должна была сказать тебе правду. Но я не хочу, чтобы ты думал, что я что-то от тебя жду, потому что это не так. Что касается расследования, то я готова за тебя поручиться, но взамен ты начнешь занятия с логопедом. Невролог прописал тебе ежедневную часовую сессию, пять дней в неделю. Я хочу, чтобы ты соблюдал все ее рекомендации и не уваливал. Просто позор, что мы теряем такого специалиста, как ты. Запомни, это мое условие.

Я сглотнул слюну: несмотря на сложные обстоятельства, Альба все еще беспокоилась обо мне. Передо мной стояла женщина, и я чувствовал себя гораздо более инфантильным и незрелым, потерянным в моей личной трагедии. В который раз я восхитился стоицизмом, с которым она воспринимала череду бедствий, обрушившихся на нее за последние несколько месяцев.

Для окружающих ее беременность – не более чем смачные сплетни. Однако для нее все это будет выглядеть иначе, ей придется терпеть взгляды, полные злорадства и подозрений, а потом воспитывать ребенка, отцом которого все будут считать психопата... или же меня, ее подчиненного.

«Обещаю вам, заместитель комиссара, что в понедельник отправлюсь на первое занятие с логопедом; я уже записался на прием. И еще, Альба: в первую очередь это ради ребенка, чей бы он ни был, мой или Нанчо. Главное – ради ребенка», – написал я.

Я поблагодарил ее взглядом и вышел из зала, смущенный тем, что последние несколько месяцев плохо справляюсь с обстоятельствами.

* * *

Через час мне позвонила Эстибалис. К этому времени я уже вернулся домой и лежал на диване, пытаюсь восстановить в памяти события прошлой бессонной ночи и хоть немного расслабиться.

– Кракен, я все еще в Араие. Говорила с Хосе Мари, отцом и сыном. Осталось проверить еще кое-что, но копать здесь нечего, – пробормотала она.

Я уловил в ее голосе оттенок разочарования. Сделал усилие и замычал в трубку, чтобы заставить ее сказать что-то еще.

– У них есть алиби, и вполне надежное. В мастерской установлена внутренняя камера наблюдения – видимо, мелкие кражи у них там в порядке вещей. Отец пришел на работу в семь утра, сын в половине восьмого принес ему завтрак. По нашим сведениям при отсутствии данных вскрытия, – убийца Аны Белен Лианьо как раз в это время явился в туннель Сан-Адриан, подвесил ее и утопил. Это не могли быть отец и сын. Они постоянно были вместе, я просмотрела запись на быстрой перемотке. Они не выходили из мастерской, пока не отправились в горы.

Я молчал с мобильником в руке; она ждала моих вопросов.

– Мне нужно проверить некоторые детали, но запись не оставляет сомнений: видна темнота во дворе и уличные фонари, которые рано утром были еще включены. Это не они, Унаи. Мы не можем просить у судьи ордер на арест, у нас ничего на них нет, если только вскрытие не покажет что-нибудь новое.

Я бросил ей на прощание что-то вроде «ага», и Эстибалис повесила трубку.

Что ж, на текущий момент этих Хосе Мари придется исключить. Если только они не обладают даром телепортации. Первый тупик на пути нашего расследования: нужно отступить и копать в других направлениях.

Но было другое дело, более личное – а заодно и более кровоточащее, – которое требовало моих усилий и не могло больше ждать.

Я должен был им заняться.

Я знал, что должен сообщить им эту новость, несмотря на секретность дела. Поэтому отправил сообщение по «Ватсапу» всем троем.

Ребята уже договорились встретиться в десять вечера в «Альдапе», чтобы выпить карачилью с ромом, но я туда не собирался: во-первых, не было сил, во-вторых, я предвидел, что выходные будут сложными.

Но я должен был их предупредить – я знал это с тех пор, как Эстибалис в четверг в полдень сообщила мне об убийстве. Может быть, кто-то из них что-то знал о ней, может быть, даже после стольких лет они все еще как-то общались...

Я никогда про это не спрашивал – она была одним из тех табу, которые существуют во многих тусовках, – и, благодаря тому, что не называл ее имени, я свикся с мыслью, что последние двадцать четыре года ее нога не ступала по улицам Витории. Несколько раз я встречал ее на улице, но всегда проходил мимо, опустив глаза. Таково было обещание, данное ей когда-то, и я его выполнял.

Было уже больше семи, когда мы собрались под уличным фонарем небольшого скверика в Старом городе, позади решетки, продолжавшей средневековую стену. Народу в этом месте обычно было мало, и деревья обеспечивали некоторую интимность. Я сидел на скамейке, ребята потихоньку подтягивались.

В Витории было уже темно, и только кошки преследовали какие-то тени по винтовой лестнице, ведущей к подсвеченной постройке бывшего элеватора девятнадцатого века.

Асьер явился первым. Вид у него был мрачный; возможно, ему пришлось покинуть свою аптеку, не дожидаясь закрытия. В последнее время он только и думал, что о своем бизнесе. Он был не только владельцем одной из старейших аптек в Витории на улице Сан-Франциско, доставшейся ему после того, как предыдущий владелец вышел на пенсию, но и открыл второе заведение в новом районе Сальбуруа, однако все мы знали, что дела там идут неважно. Помощники аптекаря менялись как перчатки, и, хотя мы этого не обсуждали, сарафанное радио донесло, что со своей женой Арасели Асьер также переживал не лучшие времена. Меня это огорчало – Ара была классной девчонкой, к тому же сразу же вошла в нашу команду.

Добрый Хотя прибыл, как всегда, немного поддатый. Пятницы Хоты всегда начинались раньше наших, и, когда мы наконец встречались, в его венах уже струилась пара литров алкоголя.

– Здорово! – воскликнул он.

Быть может, ему было неловко за свое плачевное состояние: подол рубашки, выглядывающий из-под наспех подобранного джемпера, он попытался заправить в поношенные брюки, а четыре светлых волосинки, оставшихся на макушке, тщательно приглаживал, в очередной раз напомнив себе, что пора бы сходить к парикмахеру.

Лучо пришел последним. На голове у него был капюшон, защищавший лысину от сырого и промозглого виторианского вечера, выдавшегося в ту пятницу. Мне он показался еще более исхудавшим и измученным – наверняка, как обычно, протапывал очередные маршруты для горного туризма, к тому же нервная работа съедала его живьем. Новая должность заместителя директора «Диарио Алавес» требовала его без остатка. Заветное повышение Лучо получил после дела о двойных убийствах и с тех пор узнал на собственной шкуре, что значит управлять газетой; мы нечасто видели его скудные волосы, росшие на подбородке.

– В чем дело, Кракен? Или это секрет? – Лучо ринулся в бой, последний раз затянувшись сигаретой.

Я похлопал по скамейке, приглашая его сесть: нам предстоял не просто разговор, и было не совсем ясно, с чего начать.

– Давай же, Унаи, – сказал Хотя, присаживаясь рядом со мной.

Я поманил Асьера, чтобы он тоже увидел, что я пишу в мобильном телефоне.

Новый способ общения, на который я был обречен после выстрела Нанчо, заставлял меня быть лаконичным и не растекаться мыслью по древу. Людям не хватало терпения читать длинные послания, а у меня не было терпения их писать, поэтому я сразу перешел к делу.

«Кто-нибудь из вас видел Ану Белен Лианьо в последнее время?» – написал я.

Все прочитали – и каждый поморщился, словно лизнул лимон.

– Черт побери, Кракен! – с досадой воскликнул Лучо. – Ты до сих пор не выкинул эту телку из головы? Пора бы уже забыть ее, разве нет?

«Это не то, что ты думаешь, – ответил я. – Повторяю вопрос: кто-нибудь общался с Аннабель Ли в последнее время? Вы что-нибудь о ней знаете?»

– Куда там, – протянул Хота, почесывая трехдневную щетину. – Она быстро потеряла ко мне интерес, и в Витории поначалу едва со мной здоровалась, после... После всего того. Я потерял ее из виду много веков назад. Что она выкинула на этот раз?

Я проигнорировал его вопрос.

«Асьер, а ты что-нибудь скажешь?»

– Мы не входили в ее круг общения, ты же знаешь, Унаи. Для меня эта баба давно мертва. И разговор этот мне не интересен, – ответил он. Я мог бы добавить, что ответил холодно, но Асьер всегда был холоден и прагматичен.

Трудно было уловить хоть что-то человеческое в этом угловатом жестком человеке. Крючковатый нос, тонкие, мышиного цвета волосы, манера одеваться – официальный синий костюм, неизменный галстук – все это мало способствовало проявлениям участия и теплоты.

Любопытно, что он занимался продажей лекарств, чтобы облегчить страдания людей, поскольку создавалось впечатление, что чужие страдания не попадают в эмоциональный спектр моего друга Асьера.

«Лучо, ты не ответил на мой вопрос», – я повернул экран.

– Видел ее пару дней назад, да. В начале недели. Что происходит, Кракен? – спросил он немного слишком энергично.

«Она рассказала тебе что-нибудь новенькое? Призналась, есть ли у нее парень? Что-нибудь привлекло твое внимание?»

– Говорила, что сдает очередной комикс. Была довольна, прямо сияла вся, что выглядело довольно странно... – ответил он и закашлялся. – Я имею в виду, что помнил ее замкнутой и молчаливой.

«Она тебе не сказала, что беременна? А может, ты сам что-то заметил?»

– Хм... – Он пожал плечами. – На ней был черный застегнутый пуховик, и ничего такого я не заметил.

– Может, хватит? Мы же не для этого собрались, – раздраженно перебил его Асьер. – Я согласен с Лучо. Унаи, выброси ты ее из головы, чувак, у тебя уже волосы растут на...

«Итак, это тайна следствия, – прервал я его. – Все то, что я вам сейчас расскажу, должно остаться между нами. Лучо, у того, что я пишу, есть свидетели, но пусть это останется в моем телефоне. Ты понимаешь, что в твою газету тоже не должно ничего просочиться?»

– Черт, Унаи, за кого ты меня принимаешь?

– Так что, блин, произошло? – нервно заерзал Хота.

«Аннабель Ли убита. И она была беременна. Большие я ничего не могу вам сказать. Я знаю, что у всех нас она была первая. Не знаю, хотите ли вы пойти на похороны; они будут в воскресенье. В любом случае вы имеете право все знать, и я чувствовал бы себя скверно, если б не сказал вам. Официально я пока на больничном, но буду принимать участие в расследовании. Ничего не говорите остальным», – набрал я и подождал, пока они прочитают.

Мои друзья побелели.

11. Кладбище Санта-Исабель

20 ноября 2016 года, воскресенье

Рассвет воскресенья выдался премерзким: воздух был неподвижен, словно у него перехватило дыхание. За ночь температура упала почти до пятнадцати градусов. Утреннее сияние застало меня в постели в Вильяверде, и одного одеяла явно не хватало.

Я надел костюм для похорон, который хранился в Вильяверде, – в первую очередь, потому что с практической точки зрения всех моих мертвецов хоронили на крошечном кладбище в двухстах метрах от того места, где я спал. Преимущества жизни в маленьком городке: мы, Лопес-де-Айяла, оставались рядом друг с другом даже после визита старухи с косой.

Будить деда, который в это время еще спал, мне не хотелось, поэтому я поднялся наверх осторожно, чтобы старые деревянные ступеньки не скрипели у меня под ногами.

Оказавшись на чердаке, вздохнул: я не возвращался туда с тех пор, как закончил дело о двойном убийстве в дольмене, и дедушке самому пришлось убирать старые фотографии и газетные вырезки, которые я когда-то разложил на шатком столе для пинг-понга. Все это дедушка спрятал обратно, пока я был в коме; остались только подписанные коробки, где хранились кусочки моего прошлого.

Я неохотно подошел к стоявшим в углу коробкам, уворачиваясь от лисьих шкур, которые дед повесил когда-то на крючках, приделанных к деревянным потолочным балкам. Вздохнул и заставил себя отыскать нужные мне коробки с надписью: «Кантабрия, Кабесон-де-ла-Саль, 1992». Стоит их открыть, и смерть Аннабель Ли делается более реальной. В этих ящиках хранилась память о лете, которое должно было стать незабываемым по одним причинам, а стало таковым совершенно по другим, болезненным и темным.

Что касается тьмы и ее королевы – под фотографиями, где у Лучо все еще растут на голове волосы, Хота – чистенький и не нюхавший алкоголя мальчик, а в Асьере лишь намечается его будущий колючий и сухой нрав, – я нашел рисунок ин-квартио¹⁰, подписанный покойной Аннабель Ли. На нем изображались двое любовников, лежащие на могиле перед скалами Арнии в Кантабрии. Девушка, нарисованная китайской тушью и точь-в-точь похожая на саму Ану Белен, в объятиях крепких ручищ, на одной из которых виднелась татуировка кракена.

Когда она подарила мне этот рисунок, я пообещал, что сделаю такую же татуировку. В то время прозвище меня раздражало; меня бесил Лучо, его автор, который любил поиздеваться над моими преувеличенно длинными руками. Особенно меня задевало, когда он делал это в ее присутствии. Но Аннабель приняла мое прозвище с восторгом – все, что имело отношение к мифам, выводило ее из обычного равнодушия к внешнему миру, – и даже настояла на том, чтобы самостоятельно набить чудесного гигантского кальмара на моем бицепсе.

Я отказался.

Ей это не понравилось.

– Дед меня проклянет, если я появлюсь дома с каракатицей на руке.

– Ты все еще слушаешься своего деда? – спросила она со смесью презрения и недоверия, которую я предпочел не замечать.

– Ты бы тоже послушалась, если б знала моего дедушку, – перебил ее я и, расстроенный, прекратил разговор.

Не знаю, почему я сохранил этот рисунок. Пришло время с ним расстаться.

¹⁰ Ин-квартио – четвертая часть типографского листа.

* * *

Я прибыл в Виторию на своем «Аутлендере» в без чего-то одиннадцать. Эстибалис сообщила, что Ану Белен хоронят на кладбище Санта-Исабель. Это было неожиданно – там покоились только представители знатных семей, которые в прошлом приобрели пантеон, и я не знал, что Ана Белен Лианьо принадлежит к одной из них. Я вспомнил стихотворение, которое она обожала, – стихотворение Эдгара Аллана По, содержащее намек на ее благородное происхождение. Возможно, у нее было больше причин, чем я думал, отождествлять себя с девочкой По.

На похороны я надел теплую куртку с капюшоном, на случай если бог погоды преподнесет нам очередной сюрприз. А вскоре встретил всю группу уголовного расследования в полном составе, стоящую у входа на старинное кладбище. Эстибалис, Пенья и Милан, одетые чуть более формально, чем обычно, мерзли от холода и не отрываясь смотрели на белое небо, грозившее первым в этом году преждевременным снегопадом.

Милан заговорила первой – было заметно, что она неловко чувствует себя без привычных джинсов – и вытащила из бокового кармана своего огромного пуховика ярко-оранжевый стикер.

– Из ее аккаунтов в социальных сетях я узнала, что она объявила о своей беременности почти два месяца назад и запостила рисунок, предположительно автопортрет: женщина с пышными волосами сидит на могиле на фоне скал и у нее явно заметен живот. Пост засыпан «лайками» и поздравлениями от поклонников. Я не обнаружила хейтеров, которым бы не понравилось это признание, – сказала она в качестве приветствия, как только я появился на горизонте.

Я поблагодарил ее взглядом и написал Эсти:

«Есть еще новости?»

– Потом расскажу, – лаконично ответила она.

– В выходные я просмотрел все работы Аннабель Ли, – принял эстафету Пенья. – В ее ранних опубликованных комиксах встречаются отсылки к кельтам и повешенным, но это точечные мазки. Я не обнаружил сюжет, который имел бы хоть малейшую связь с тем, что случилось. Ничего про беременность или обряды плодородия. У издателя... – Он кивнул на тучного мужчину лет шестидесяти, который выглядел очень подавленным, – дела идут не блестяще. Видимо, он на нее очень рассчитывал. Собирается уйти на пенсию, но не бросает книгоиздание: книги – его призвание. Это небольшое издательство, называется «Малатрама». Вряд ли оно переживет исчезновение основного источника дохода. Но если вы спросите меня, стоит ли включать издателя в список подозреваемых, я категорически отвечу, что нет. Во-первых, он добродушный малый, не способный на убийство; во-вторых, утром в четверг у него есть алиби. Его жена, тоже святая душа, подтвердила его версию и показала билеты на самолет. Они были на фестивале комиксов в Барселоне. Когда я с ним беседовал, он был крайне удручен смертью Аннабель Ли.

«Спасибо, Пенья. Очень полезные сведения», – написал я и улыбнулся.

По мешкам у него под глазами и заметно дрожащим рукам я понял, что он провел пару бессонных ночей, ломая глаза о комиксы Аннабель Ли.

Мы шагали среди кипарисов и земляничных деревьев на некотором расстоянии от скудной процессии родственников. Среди них была мать, вылитая Аннабель, только на двадцать лет старше: длинные темные волосы, прямая челка, скрывающая глаза, черные кожаные брюки и короткая куртка, на которой можно было увидеть эмблему «MC Dryades». «Дриады», – мысленно повторил я. Насколько мне было известно, мать Аннабель была президентом женского байкерского клуба.

Любопытно: Аннабель утверждала, что она – полная противоположность матери, однако то, что я видел перед собой, было ее натуральной копией. Подобный способ самообмана был

ей присущ: она не любила реальность, искажала ее и перекраивала на свой лад, пока не начала верить в плоды своего воображения и не впаривала их миру благодаря невероятной силе убеждения.

Я с удивлением заметил, что, кроме матери, на похоронах нет женщин. Было несколько мужчин моего возраста, благоразумно держащихся на заднем плане. Кем они ей приходились – друзьями, любовниками?.. Как знать. Разумеется, прессе она свою личность не раскрывала, а в социальных сетях никто ничего толком о ней не знал. Интересно, сколько времени ее фанаты будут по ней скучать?

Держась на еще более скромном третьем плане, я наблюдал, как земля заглатывает гроб Аннабель Ли под пристальным взглядом стоявших напротив сфинксов в виде крылатых львов.

Затем произошло нечто вроде романтического чуда: пошел снег, и Витория снова стала белым городом.

Тихо, как невесомые перышки, первые хлопья еще не родившейся зимы ложились на темный деревянный гроб. Ложились они и мне на плечи, и на головы присутствующих. Это не был обильный снегопад: всего лишь робкое сезонное изменение погоды. Но всех нас снег погрузил в странное состояние, как будто в своем заключительном путешествии на землю Аннабель Ли заставила нас в последний раз разделить ее готическое восприятие жизни и смерти.

Я не сразу заметил, что стою не один: слева и справа от меня пристроились Хота и Лучо. Хота, казалось, явился прямо с гаупасы¹¹. Если он и зашел домой, чтобы переодеться в костюм после ночного загула, то явно забыл принять душ, потому что от него так разило калимочо¹², что хоть святых выноси.

Лучо по случаю похорон оделся примерно так же, как по четвергам, когда мы ходили поесть пинчос; я даже засомневался, в качестве кого он пришел – журналиста или бывшего парня Аннабель.

Втроем, накинув на головы капюшоны, мы молча стояли перед ее телом.

«От меня унесли, положили во склеп, у моря, на крае земли»¹³, – вспомнилось мне.

Двадцать четыре года назад я дал ей обещание: «Мы с тобой больше никогда не будем разговаривать». Я выполнил его, несмотря на привкус желчи, который сейчас поднимался у меня из горла.

«Вы понимаете? – хотел я сказать своим друзьям. – Мы уже не сможем влюбиться так, как влюблялись в шестнадцать. Тогда нам казалось, что все влюбленности, которые нас ожидают, будут такими же страстными, безумными, бессонными, с лопающимися ширинками и губами, немеющими от поцелуев. Но это ошибка. Никто из нас больше на такое не способен. На такое, как было с ней, когда она лишила нас девственности, по очереди, всех четверых».

Кстати, о четвертом всаднике апокалипсиса: Асьер так и не появился.

Зато, к моему удивлению, пришла Альба, как всегда элегантная в своем длинном белом пуховике, купленном с расчетом на будущее, чтобы как можно дольше скрывать беременность. Эстибалис шепнула, что она приехала в качестве официального представителя: комиссар Медина не хочет, чтобы его видели на похоронах, боясь вызвать подозрения в том, что смерть расследуется. Альба сдержанно выразила соболезнования матери Аннабель и направилась к нашей команде, чтобы всех поприветствовать.

Я оставил друзей и подошел к ней. Я не знал, что сказать, – кладбище меня подавляло; а может, мой дискомфорт каким-то загадочным образом был связан с ангелом, украшающим пантеон Унсуета¹⁴...

¹¹ Понятие в баскской культуре, означающее «гулять всю ночь и вернуться домой на рассвете».

¹² Калимочо – баскский слабоалкогольный коктейль, состоящий из двух компонентов: вина и колы.

¹³ Строчка из стихотворения Эдгара Аллана По «Аннабель Ли», пер. В. Брюсова.

¹⁴ Легенда об ангеле подробно излагается в романе «Жало Белого города».

– Ты видел могилу Нанчо? – прошептала она, неподвижно глядя перед собой.

Я покачал головой; я ни разу не задумывался о том, что сделали с его трупом. Я пропустил его посмертие, на десять дней погрузившись в кому, а потом не хотел о нем спрашивать.

– Игнасио, его брат, явился ко мне в больницу на другой день после его смерти... – Она вздохнула. – В первые дни Тасио был очень плох, так что обо всем позаботился его брат-близнец. Он спросил, не возьму ли я на себя ответственность за похоронные хлопоты. Я отказалась; тогда он попросил разрешения похоронить его в пантеоне, где покоились их предки по матери, Диас-де-Антоньяна. Он сказал, что они собираются эксгумировать тело матери из пантеона Унсуета и перезахоронить в пантеоне своей семьи. Я знаю, что он похоронен под именем Венансио Урбина, но не ходила к нему. И не была на улице Мануэля Ирадиера.

Я нахмурился, не понимая значения этих слов.

– Мы с мужем жили на улице Мануэля Ирадиера, и я не могла ходить мимо нашего подъезда. Я говорила тебе, что мама приехала из Лагуардии, когда узнала о случившемся, и я попросила ее обо всем позаботиться. С тех пор у меня новая одежда, новые книги, новая квартира на улице Прадо, новое... новое будущее. Но я по-прежнему стараюсь обходить улицу Мануэля Ирадиера. Понятия не имею, откуда этим утром у меня взялись силы, чтобы прийти сюда. Полагаю, должность вынуждает нас приносить определенные жертвы.

Я собирался что-то ей ответить, но Эстибалис быстро, как белка, подошла и встала между нами.

– Доброе утро, заместитель комиссара. Думаю, ловить здесь больше нечего, – прервала она наш разговор. – Друзей мало, сплошь какие-то мужики... Когда мы пытались кого-нибудь из них разговорить, они убегали, как подростки, застуканные за мас... ну, вы поняли. Думаю, им не хочется, чтобы их здесь видели. Мать, кажется, не сильно переживает. Говорит, что они не виделись десяток лет.

– Десяток лет, – повторила Альба. – Да, она была независимой девушкой. Есть новости, Эстибалис?

– Затем и пришла... Старый случай, но настолько напоминает наш, что я обратила на него внимание. Хорошо, что ты здесь, Унай, – хочу услышать твое мнение. Итак, я искала похожие преступления, где жертвы – молодые одинокие беременные женщины... Заодно отслеживала способ убийства: повешение за ноги вниз головой со связанными за спиной руками, без огнестрельных или колотых ран... и чтобы тела находили в исторических местах.

– И?... – спросил я всем своим видом.

– Есть один странный случай. В свое время он выглядел очень нетипично и так и не был раскрыт. В прессе его освещали с большой осторожностью; я нашла его, сверяя общие базы данных. Итак, в апреле девяносто третьего года в Кантабрии пропала четырнадцатилетняя девочка. Отец утверждал, что она сбежала из дома и у нее психические проблемы, да и все надеялись, что она вот-вот вернется сама или будет найдена через несколько дней. Эти фотографии некто отправил в местную газету «Периодико Кантабрико», которая не стала их публиковать и передала полиции. Из этого следует, что место называлось...

«Фонтибре», – подумал я, вспомнив это дело.

Вслух у меня получилось нечто похожее на хриплое «фойгбррре», и, клянусь, я чуть не умер от стыда: Альба и Эстибалис вздрогнули, услышав мое мычание.

– Унай, ты заговорил! – воскликнула Эсти с таким выражением, будто выиграла счастливый билет.

Альба воздержалась от комментариев, но на секунду я увидел у нее на лице такое облегчение, что пару мгновений не сводил с нее глаз. Я не думал, что она так обрадуется.

«Пока не заговорил, Эсти. Это все, на что я способен. Но на следующей неделе пойду к логопеду», – быстро набрал я на экране и показал ей.

Смущенно покашляв, снова уставился на фотографии, которые Эсти показала на своем мобильном телефоне: тело молодой девушки, подвешенное за ноги на веревке, привязанной к толстой ветке ясеня. Голова притоплена в речной воде, руки связаны за спиной. Фотографии были сделаны под разными углами, и на одной из них ясно виднелись разноцветные ленты, которые верующие оставляли в культовом месте у источника Эбро-де-Фонтибре.

– Итак, вернемся к этой истории. Мне удалось поговорить с Пабло Ланеро – инспектором, который в свое время ее расследовал.

«Пауланер», – подумал я.

«Я его знаю», – написал я на экране.

С инспектором Пабло Ланеро я познакомился во время практики по профайлингу в полицейском участке Сантандера, и мы стали приятелями. Пауланер был не только доброжелателен и спокоен, но и умен. Его округлый животик и весь его облик монаха, любящего опрокинуть стаканчик-другой пивка, многих сбивал с толку, над ним частенько посмеивались, но он смиренно и философски воспринимал несерьезное отношение и гнул свою линию. Я очень его уважал. Поговаривали, он собирается уйти на пенсию, и я был очень рад снова что-то о нем услышать.

– Пабло Ланеро передает тебе горячий привет и эти снимки из архива. Полиция была в Фонтибре и обнаружила веревку, все еще привязанную к ветке дерева, но тело так и не нашли. Кто-то его забрал. Девушка так и не появилась. Однако есть одна деталь, не упомянутая в отчете, которая при просмотре фотографий очень меня встревожила: рубашка задрана, живот девушки обнажен, и даже я вижу, что она беременна. Срок небольшой, всего несколько месяцев, но у худенькой четырнадцатилетней девочки не может быть такого живота. Что скажете?

Мы с Альбой знали о животах побольше Эстибалис, и оба сошлись во мнении, что труп на фото принадлежит беременной женщине, подвешенной за ноги, а голова ее частично утоплена в реке. Все сходится, несмотря на разницу в двадцать три года, да и провинция другая... Так или иначе, это определенный способ убийства, и, увидев труп Аннабель, я сразу заподозрил, что в биографии убийцы это не первый случай.

Не знаю, оставил ли он следы и отпечатки, которые якобы уничтожил град. Не знаю, закоренелый ли он преступник или неумеха, которого мы могли бы выследить через несколько часов, но для первого убийства ритуал был слишком сложен и тщательно продуман.

– У тебя есть еще какие-нибудь данные – имя жертвы или ее родителей? Можно их навестить, они живы? – спросила Альба.

– Девушку звали Ребекка Товар Переда. Мать ее умерла всего за пару лет до убийства, отец...

«Сауль, – сказал я про себя, сглатывая слюну. – Сауль Товар». Наш директор в Кантабрии, в Кабесон-де-ла-Саль летом 1992 года, почти за год до смерти его несчастной дочери.

12. Остров Мэн

2 июля 1992 года, четверг

Унаи вынужден был признать, что комиксы означали для Аннабель Ли дело всей жизни. Девушка нашла ветхий шахтерский фонарь, который какой-нибудь ученый-археолог забыл в окрестностях урочища, и взяла его себе.

Каждый день, около шести утра, Ана Белен Лианьо, больше похожая на Аннабель Ли, чем когда-либо прежде, укладывалась поверх своего спального мешка, разукрашенного черепами, и принималась рисовать сюжеты и персонажей в своем блокноте на пружинках.

Каждый божий день.

Она не пропускала утреннее рисование, даже если накануне вечером ужин затягивался и перетекал в вечеринку.

Унаи, который был жаворонком и просыпался до рассвета, зажмурив один глаз и приоткрыв другой, наблюдал, как лихо она орудует черными и серыми фломастерами, устроившись на своей одинокой лежанке, чуть в отдалении от компании крутых альф.

– Не могу понять, что делает в этой деревне такой человек, как ты, – прошептал он как-то раз, бесшумно вылезая из мешка и подходя к Аннабель.

– Охотится на крокодилов.

– Сейчас слишком рано, чтобы схватить на лету подобную мысль; дай подумать, очень тебя прошу.

– Мысль не моя, а Анхеля Сапаты, моего преподавателя по философии творчества. Это про то, как важно втиснуть в историю крокодила, чтобы удержать внимание читателя.

– Крокодила?

– Крокодила, да. Представь, что перед тобой картинка: какой-то человек входит в номер в отеле. Я тщательно прорисовываю занавески, комод, трехметрового крокодила, спящего на кровати, ковер, зеркало... Что ты замечаешь первым делом? О чем сейчас спросишь?

– Какого черта делает крокодил на кровати в отеле.

– Вот и я охочусь на крокодилов для моих комиксов. Это не первый археологический проект, в котором я принимаю участие. Прошлым летом я ездила в урочище на острове Мэн. Езжу туда каждый год с мамой. У них программа, доступная стипендиатам со всего мира. Остров крошечный, находится в Ирландском море, относится к Британским островам; там до сих пор встречаются следы кельтов и викингов. Там-то я и поняла, что в древней истории можно найти целую кучу крокодилов для комиксов.

– А что ты делаешь каждый год на острове Мэн? – Унаи не подал виду, что слышит об этом острове впервые. Он все сильнее осознавал, что Аннабель, несмотря на возраст, видела в жизни куда больше, чем он.

Она нахмурилась, соображая, обозначить ли косой тенью взгляд ангела, которого изображала в блокноте.

– Видишь ли, моя мама командует байкерским клубом...

– Байкерским клубом?

– Ну там, «Харли Дэвидсон» и все такое – слышал что-нибудь о таких драндулетах?

– Я не знал, что есть байкеры-женщины.

– Женщины командуют клубами редко, но те, что выбились в командиры, – ого-го! Например, моя мать. Она практически кочевница. Я родилась в Витории, у моей мамы там квартира; там же я пошла в детский сад, где познакомилась с тобой, зато потом объехала всю Европу и Азию с ней и ее клубом. На острове Мэн вот уже сотню лет проводят одну из самых

опасных гонок в мире¹⁵, и каждый год там собирается столько клубов, что ты и представить себе не можешь. Мы практически целиком заполняем остров шириной двадцать два километра и длиной пятьдесят два. Плюнуть некуда, мы там едва помещаемся, – равнодушно заметила она, словно повторяя заезженную шутку.

– Черт, крутая у тебя жизнь...

– Я ее ненавижу. Мне надоело быть кочевником, я хочу поселиться в Витории и больше не двигаться. Ненавижу мотоциклы, бензин, запах потертой кожи и пива...

– Ненавидишь все, что связано с матерью, – заметил неизменно разумный Унаи.

– Точно. Говорят, существует две разновидности отношений между матерями и дочерьми. Либо они похожи и принадлежат к одному и тому же типу женщин – например, классическая мама с классической дочкой, или бунтарка с бунтаркой. Либо противоположны: классическая мать и дочь-бунтарка, или наоборот. Мы с мамой – как вода и масло.

– А твой отец? – осторожно спросил Унаи, не до конца уверенный в том, что их разговор допускает подобное нарушение личных границ.

– Мой отец... не хочу о нем говорить. Если разобраться, это всего лишь мужская особь, которая и отцом-то никогда не была, – сухоvalo отрезала Аннабель. – Потому я и записалась в этот лагерь. По крайней мере, здесь платят. Хочу накопить денег, а как только достигну совершеннолетия, уйду от матери и останусь в Витории, в нашей квартире. Хочу жить на свои комиксы; для жизни не нужно много денег.

В том возрасте, когда Унаи все еще не было ясно, что выбрать – сельскохозяйственную промышленность или горную инженерию, – Аннабель устала от странствий по миру и хотела одного: отдохнуть.

Унаи побрел к своему спальному мешку, заметив, что трое его друзей перестали храпеть и навестили уши, подслушивая их негромкий разговор.

Аннабель невозмутимо сосредоточилась на рисунке – гранитном ангеле в скалах.

* * *

Распределяя обязанности в кантабрийской деревне, Сауль выделил Хоте и Аннабель круглую хижину железного века, на которой не хватало крыши, поэтому первые дни они провели в паре метров от земли чуть ли не вплотную друг к другу, чтобы не свалиться с узкой самодельной лестницы. Аннабель передавала Хоте ветки ракитника, которые он с муравьиным терпением выкладывал в виде рыбьей чешуи.

– А принеси завтра в деревню ту твою крутую фотокамеру. Можно сделать фотоподборку про то, чем мы тут занимаемся, – предложила Аннабель Ли в первое же утро на четвертом часу работы.

Ей быстро надоели утомительные и однообразные задания. В тех случаях, когда фантазии не требовалось, терпение у нее иссякало еще раньше, чем деньги.

– Я уже сделал групповые фото на память, – отозвался Хота с вершины лестницы, не очень понимая, куда она клонит.

– Я не имею в виду фото на память. Тут полно текстуры: пучки колосьев, старинные кирпичи, дерево, грязные руки... Я имею в виду художественную фотографию.

– Я не занимаюсь художественной фотографией. Я не такой творческий человек, как ты.

– Все мы – творческие люди, и не рассуждай, как старый дед. Я научу тебя фоткать в ручном режиме, контролировать диафрагму и выдержку. Поедем как-нибудь в Сантильяна-дель-Мар, там наверняка есть сувенирные магазины с катушками ISO; купим тебе крупнозернистую

¹⁵ Мотоциклетные гонки Isle of Man TT проводятся на о. Мэн с 1907 г.

черно-белую пленку. Научишься делать контрастные снимки, снимать крупным планом всякие руки-ноги, все что захочешь... Главное – научиться видеть, Хота. Каждый на это способен.

– Ну, если ты меня научишь... – Хота с готовностью поднял брошенную перчатку.

Все это было просто замечательно: кельтская деревня, Аннабель Ли... Она рассказала ему историю своего имени, и каким же прекрасным оно ему тогда показалось!

Итак, в течение следующих нескольких дней Хота под пристальным наблюдением своего творческого наставника принялся фотографировать все подвижные и неподвижные объекты. Ни следа плохого настроения, депрессии, беспокойства.

Небо, которое Хота видел в те первые дни, сделалось наконец темно-синим, очистилось от туч реальной жизни, которая неумолимо ждала его впереди, по возвращении в Виторию.

Его душевное состояние было настолько безмятежным, что Хота даже заметил существование Ребекки, маленькой дочери Сауля. В первый же вечер их посадили за столом рядом, и вскоре они привыкли к этому соседству.

Хоте, хорошему парню с добрым сердцем, было немного жаль одинокую девочку, потерянную в подростковом мире, который все еще был ей велик. Кроме того, она являлась дочерью Сауля, которого он уже начинал боготворить: свой в доску препод, молодой и преданный отец, крутой чувак, который делает вид, что не замечает взглядов Аннабель Ли и студенток исторического факультета Университета Кантабрии, которые почти каждый день посещали лагерь.

– Ребекка, можешь завтра помочь нам с Аннабель покрывать хижину? Мы буксуем, и нужен опытный человек – такой, например, как ты. – Хота был в отличном расположении духа.

Ребекка взволнованно сглотнула слюну, доедая последний кусочек кекса, остававшийся на общем подносе. Она с нетерпением ждала воскресенья, когда ее отец привез им из города трубочки с кокосом, которые девушка обожала.

– Конечно помогу, в прошлом году я этим много занималась, – ответила Ребекка, благодарная и обрадованная. Казалось, вся она превратилась в одну сияющую улыбку и зардевшиеся щеки.

«Может, я ошиблась, выбрав Асьера, – думала Ребекка вечером, застегивая молнию на мешке, что обычно мало помогало. – Может быть, лучше рассказать все Хоте, и он поможет... У его семьи есть связи, они сумеют что-нибудь сделать».

Хота чувствовал к девочке непривычную нежность: «Какая милая у Сауля дочка. Как бы я хотел, чтобы он был моим отцом, а мы с ней были братом и сестрой...»

Наступили выходные, и предусмотрительный Сауль Товар позволил им немного отдохнуть от кирпича и глины. В субботу он загрузил всех в микроавтобус и отвез в Гипускуа, в Оньяти, местечко недалеко от границы с Алавой. Все были благодарны за поездку и отдых, который давно уже требовали их огрубевшие и обветренные руки. Они ехали в автобусе и задумчиво смотрели в окошки, почти не задавая вопросов.

Сауль не сказал Ребекке, что они собираются посетить пещеру Сандаили, а то вдруг она откажется и все станут свидетелями неприятной сцены. Он терпеть не мог пятен на своем имидже. Не так-то просто было его создать...

Сауль посадил Ребекку на переднее сиденье справа от себя, плотно пристегнул ремень и развлекал ее всякими рассказами все два часа, пока длилась поездка.

Пейзаж был не слишком разнообразен: всюду один и тот же зеленый цвет, эвкалипты и сосны сменялись дубами и буками; потом дорога сузилась, древесные ветки бились о стекла – словом, великолепный летний день, обещавший навсегда остаться в памяти.

– Я очень рад, что взял тебя с собой, дочка, – признался Сауль в какой-то момент, почесав бороду, которую отпускал каждый год на время каникул. Он отдыхал от бесконечного тща-

тельного бритья, и борода выростала такая густая, что скрывала черты лица. Он снял правую руку с руля и потянулся к ее руке.

Дочь смотрела на его руку. Она знала ее наизусть. Столько раз ее рассматривала: длинная жилистая рука цивилизованного великана... С некоторых пор у Ребекки появилась привычка внимательно рассматривать руки людей. Ей было стыдно признаться в этом, но она сортировала их именно по рукам.

Были руки, похожие на отцовские, и тогда человек ей не нравился.

Если же руки отличались, она давала им шанс.

Но отец был в те дни так обворожителен, так открыт, так неизменно заботлив и внимателен, несмотря на то, что она, единственная дочь, то и дело капризничала: купи мне эту книгу и вон ту, отведи меня сюда и туда, и он с радостью стремился всячески угодить своей принцессе...

– Какие замечательные дни, папочка. – Она взяла его руку и сжала своими горячими пальцами. – Правда. Спасибо, что привез меня в эту деревню; такие поездки делают меня счастливее всего.

– Дочка, я не мог поступить иначе. Теперь мы вместе, ты и я. И еще тетя. Главное, никогда больше так не делай, никогда больше меня не предавай. У меня есть только вы двое, ты и твоя тетя, – повторил он. – Не бросайте меня одного. Я люблю тебя, я очень люблю тебя, моя девочка.

«Я не девочка», – чуть не ляпнула Ребекка, но инстинктивно смолчала и отдернула руку.

Прошло некоторое время, оба молчали; Ребекку тревожили знакомые повороты дороги.

– Куда мы едем, папа?

– В пещеру Сандаили.

Ребекка сглотнула и покраснела до ушей.

«Только не туда, только не в пещеру Сандаили, Синяя Борода», – думала она в панике.

Только не в Сандаили. В той сырой пещере под сочащимися водой сталактитами все и началось...

13. Чагорричу

20 ноября 2016 года, воскресенье

Две женщины, рыжеволосая и брюнетка, старательно сохраняя внешнее спокойствие, вышли из комнаты с синими стенами, где сломленный болезнью мужчина, уродливая тень строгого отца, которым он был когда-то, вопил: «Кракен, Кракен, Кракен!...»

«Дерьмовая все-таки была затея», – думала Эстибалис, шагая по коридору пансиона в Чагорричу.

Альба едва за ней поспевала. Общаясь со стариком, страдающим Альцгеймером, она делала вид, что не замечает неловкости. Вскоре обе женщины вошли в обшитый металлическими панелями лифт: казалось, они поднимаются из преисподней за глотком свежего воздуха.

Альба сама вызвалась сопровождать Эстибалис в один из еженедельных визитов к отцу в пансион при больнице Чагорричу. Не то чтобы Эсти считала это удачной идеей, но в присутствии незнакомых людей отец вел себя менее распушенно и ей не понадобился привычный вызов дежурной медсестры, чтобы ему сделали предпоследнюю за день инъекцию успокоительного.

Однако в тот миг, когда они уже спускались по лестнице на улицу, какая-то женщина лет шестидесяти в огромном пестром шарфе уставилась на них и внезапно разразилась безудержной бранью.

– Невероятно! Это ты всех нас обманула! – крикнула она, и ее указательный палец грозно нацелился на Альбу.

– Что, простите? Это вы мне? – удивленно спросила та.

– Тебе, тебе. Ты – та самая комиссар Сальватьерра, верно?

– Помощник комиссара, – уточнила Альба.

– Это ты явилась на похороны моего сына Матео Руиса де Суасо и меня утешала...

Альба и Эстибалис тут же ее вспомнили: тридцатилетняя жертва, обнаруженная в нише Белой Богородицы в разгар праздника.

– Ты уверяла меня, что поймаешь преступника... А вместо этого спала с ним каждую ночь, – продолжала женщина, ставшая воплощением чистейшего гнева. – Почему ты не в тюрьме?

– Потому что я ни в чем не виновата, сеньора, – очень спокойно ответила Альба. Кто-то должен был сохранять спокойствие в этой ситуации.

– И судья тебе поверил?

– Я не была ни подозреваемой, ни обвиняемой. Я не имела отношения к преступлениям, которые совершал мой муж. Сочувствую вашему горю, но...

– Это ты кому-нибудь другому расскажи! Пока сама не потеряешь сына, ничего не поймешь.

Альба не стала считать до десяти. Она вспомнила башню в Лагуардии, где пряталась от всего мира, глядя на сьерру Унаи. Затем машинально положила руку себе на живот.

– Мне жаль, что вы так считаете. Однако я сдержала данное вам обещание: мы выяснили, кто убил вашего сына. И я заплатила за это сполна, поверьте.

– Ерунда, что-то ты должна была знать! Вы, жены убийц, вечно корчите из себя дурочек. Не может такого быть, что один убивает двадцать человек, а другой ничего не замечает.

«Не имеет смысла с ней спорить, – сказала себе Альба. – Сейчас я ближе к убийце ее сына, чем когда-либо прежде. Отныне дело касается не только меня».

– Мне жаль, что вы так думаете. Приятного вам вечера, сеньора, – любезно, но твердо попрощалась Альба, прекратив разговор.

Они оставили женщину в пестром шарфе на ступенях больницы и вскоре вышли в сосновую рощу. Кое-где на ветках еще лежал утренний снег, успевший подтаять. Они молча подошли к облезлой зеленой скамье, не доступной угрюмому взору пожилой жительницы пансиона.

– С тобой такое впервые? – осторожно спросила Эстибалис.

– Давай не будем об этом; посидим лучше спокойно. Мне нужно немного отдохнуть, слишком сильное напряжение... Месяц выдался суматошный.

Эстибалис согласно кивнула и уселась рядом. Некоторое время они молчали, но Альба не хотела упускать момент. Работа вынуждала ее к ежедневной прямоте; она привыкла касаться самых деликатных вопросов и знала, что Эстибалис выдержит допрос.

– Эсти, твой отец бил тебя, верно?

Рыжеволосая женщина облокотилась на скамейку, протянула руку, сорвала с ближайшей сосны круглую шишку и принялась машинально вертеть ее кончиками пальцев. Нервы ее были на пределе. Такое с ней случалось: ручка, резинка для волос... проклятые эмоции.

– А что, заметно? – призналась она наконец.

– Ты к нему не прикасалась, была напряжена. Я поняла, что ты все еще его боишься. Этот страх я замечала у многих жертв.

– Я не жертва, – вспыхнула Эстибалис. Сколько раз она повторяла эти слова, стоя перед зеркалом. – У старика Альцгеймера; если понадобится, я справлюсь с ним в три секунды. Я его не боюсь.

Альбу не впечатлила бравада подруги.

– Поэтому ты стала изучать виктимологию?

Эстибалис вздохнула – сдалась, приоткрыла крошечную дверцу в своей непроницаемой стене.

– Мне хотелось знать, что делало меня жертвой. Чтобы больше никогда не быть ею ни с одним мужчиной.

В ответ Альба не проронила ни слова, просто положила руку Эсти на бедро, чтобы придать ей немного силы, немного тепла, донести до нее: «Я здесь, и мне ты можешь все рассказать». Это спокойное теплое прикосновение словно обладало целительной силой.

– Видишь ли, – продолжала Эстибалис, немного помедлив, – я думаю, какой бы сильной, устойчивой личностью от природы ты ни была, не допускала побоев, жестокого обращения, грубости... реальность закладывается в детстве, и если ты – мальчик или девочка весом двадцать килограмм, ты не сумеешь помешать сильному взрослому сделать тебя жертвой. Думаю, такое по-прежнему случается каждый день. Я имею в виду насилие в семье – никому не видимые, скрытые зверства, о которых матери частенько догадываются, предпочитая держаться в стороне. Что делать этим физически слабым мальчикам и девочкам, чтобы не становиться жертвой? Это невозможно, они не могут противостоять этому. Все это отпечатывается в характере, который в противном случае не имел бы патологических черт.

Альба понимающе кивнула. Уж она-то много чего могла бы рассказать о психопатах.

– Твой предыдущий, этот Икер, был хорошим парнем, не так ли?

– Мухи не обидит, это да.

– Вот почему ты его выбрала. В этих отношениях ты чувствовала себя в безопасности, поскольку знала, что он никогда не поднимет на тебя руку. Ты искала защитника.

– Ты что, психолог?

– Мы на этой работе все немножко психологи.

– Ну, ты сама ответила на свой вопрос, – заметила Эсти.

– И все же ты порвала с ним несколько месяцев назад. Ты уже чувствуешь себя достаточно сильной.

Эстибалис кивнула и поднесла руку к серебряному кулону в виде эгускилора.

– Это случилось после смерти Энеко, моего старшего брата. Он защищал меня от отца, хотя позже втянул в мир психоделиков, которые разрушали мое здоровье и сделали зависимой. Но на самом деле я была привязана именно к нему, к моему брату-защитнику, а не к наркотикам, которые он доставал. Вот почему я не пробовала их с тех пор, как он умер, и уверена, что никогда к ним не вернусь, хотя Унаи мне по-прежнему не доверяет. Он так и не понял, что я употребляла наркотики из-за Энеко: нет его – нет и наркотиков. Я свободна, я освободилась от Энеко. Его смерть оторвала меня от него, а заодно и от потребности в защитнике; вот почему через несколько недель я рассталась с Икером. Я поняла, что уже стала взрослой: наша работа и все, что с ней связано, сделали меня взрослой. Посмотри на меня: я ростом едва достигаю метра шестидесяти, физически никогда не сравниюсь с мужчиной, у меня нет такой силы, и любой преступник может меня ударить, – но я больше не живу в мире, где человек на пятьдесят килограммов тяжелее пинает меня каждое утро, если я отказываюсь лопать на завтрак прогорклое печенье.

– Но ты все равно тяготеешь к славным парням вроде Унаи. От него ты не бежишь, не так ли? Тебе он по-прежнему нужен.

Шишка выскользнула у Эстибалис из пальцев. Лгать Альбе не имело смысла.

– Как ты узнала? – прошептала она.

– Когда твой отец тебя бил... ты звала Кракена, чтобы он тебя спас, потому-то твой отец и запомнил это прозвище. На самом деле он помнит не его, а тебя, зовущую его по имени.

– Это правда. Когда произносила его имя, я как будто исчезала, сбегала, чтобы все быстрее закончилось. Я не надеялась, что он придет, чтобы меня спасти. У нас с ним никогда такого не было.

В ее голосе не чувствовалось ни следа обиды, настороженности или неприязни, Эсти видела в Альбе только друга, которому можно доверять.

Доверять что? Да все: наконец-то истина вырвалась на свободу, и услышавший ее человек не осудил Эсти.

– Унаи – моя любовь, моя единственная любовь, единственный парень, которого я по-настоящему любила, в которого всегда была влюблена, с тринадцати лет, когда Энеко и Лучо начали вместе ходить в горы, и мы иногда встречались с Унаи. Это были времена двойного преступления в дольмене.

«Когда твой муж начал убивать детей», – мысленно добавила Эстибалис, считавшая Альбу первой жертвой Нанчо.

– Унаи было двадцать, – продолжала она, подобрав новую шишку, – и между нами ничего не было. Я много раз старалась выкинуть его из головы, особенно когда он начал встречаться с Паулой, одной из моих лучших подруг. Мне было тяжело с обоими, хотелось убраться подальше. Когда Паула умерла, я тоже хотела умереть. Я видела горе Унаи, видела, как его покалечила та жуткая авария, как он переживал смерть детей, которых вынашивала Паула... Я думала, что умру, видя, как он страдает. Больше всего мне хотелось, чтобы это закончилось, чтобы он больше не мучился. Мы спасали его все вместе: дед, Герман, ребята, умиротворяющий Вильяверде... Он доверился нам и позволял себе помочь. Вот почему я знаю, что его афазия Брока когда-нибудь кончится. Это для него не первый удар; от таких ударов он становится сильнее, они закаляют его, как закаляли когда-то его деда. Унаи доживет до ста лет, а когда выйдет на пенсию, вернется к себе в деревню, – но ничто и никогда не сможет его сломить.

Альба улыбнулась, обняла Эсти и притянула к себе. Та положила голову на плечо подруги.

– Я всегда это знала, – наконец проговорила Альба. – А сам Унаи о чем-то догадывается?

– Он же мужик, ни о чем он не догадывается. – Эстибалис улыбнулась, пожав плечами.

– Это правда. Он такой... чистый, искренний... Он заслужил быть тем, кем стал для тебя и меня, для нас обеих, правда же? Он никогда не обидит нарочно.

– Да, думаю, в этом все дело. Эй, это ведь не повредит нашей дружбе? Скажи, что не повредит. Терпеть не могу бабское соперничество.

– С моей стороны его не будет. Ты заботишься о нем, он заботится о тебе. Таких друзей, как ты, у него больше нет. Я хочу, чтобы ты была в его жизни, чтобы ты продолжала ему помогать. Мне нечего возразить; он выбрал тебя, ты для него очень близкий человек, гораздо больше, чем друг. Ты для него сестра.

– Вот именно, я всегда была для него асексуальной подружкой, – вздохнула Эсти, и Альба невольно улыбнулась. – Я не шучу. Встретив Паулу, он вообще перестал меня замечать, я исчезла с его радаров. Он рассказывал, как развиваются их отношения, и Паула туда же... Они были без ума друг от друга, а я была общим приятелем; они оба одинаково мне доверяли. На свадьбе я была подружкой невесты в фиолетовом платье... да-да, представь себе, в фиолетовом. В Академию Аркаута я поступила ради него, чтобы быть с ним рядом ежедневно всю жизнь до самой пенсии. Каждый божий день. Я видела его чаще, чем Паулу; он рассказывал мне секреты, которые не мог доверить ей. Это был мой выбор. Я люблю его так сильно, что даже не хочу с ним спать: это рискованно, я могу его потерять. Я хочу от него всего сразу, и все это у меня уже есть: вижу его каждый день, могу позвонить ему в любое время, могу сидеть на его больничной койке, обедать с ним хоть каждый день, а то и завтракать. У меня есть человек, рядом с которым я хочу быть постоянно, и так оно и будет всю жизнь. Такое не назовешь утешительным призом.

– Все, что у тебя есть, ты заслужила. Вы с Унаи два хороших человека, которые заботятся друг о друге. Если меня когда-нибудь не окажется рядом, если я выйду из игры, я знаю, что ты останешься с Унаи и будешь о нем заботиться.

– С какой это стати ты выйдешь из игры и какого черта тебя однажды не окажется рядом? Что-то не так, Альба? – встревоженно отозвалась Эстибалис.

– Все хорошо. Никуда я не денусь... Я всего лишь выразила вслух свое желание, – успокоила ее Альба. – И хватит уже о мужчинах; мы же обещали друг другу, что не будем о них говорить. Сменим тему, а?

– Ну, раз уж мы так откровенны, хочу задать еще один вопрос... как начальнику, можно?

– Конечно, Эстибалис. Давай сюда свой вопрос.

– Ты никогда не спрашивала меня о моих пристрастиях, а между тем о них написано у меня в досье.

– Я наблюдаю за тобой. Если я замечу, что ты не в своей тарелке, мы поговорим, и я буду объективна и беспристрастна. Но, зная твой характер, я, скорее всего, завалила бы тебя работой, причем такой ответственной, что у тебя не было бы времени думать о чем-то другом.

– Поэтому ты поручила мне это дело?

– Дело это я поручила тебе потому, что оно очень непростое. У тебя есть отличные помощники – используй их. Не нужно гореть на работе, как Унаи; постарайся разумно распределять обязанности. У него с этим как раз не очень.

– Да, поняла, – Эстибалис кивнула.

– По-моему, тебе не хватает цели, на которую ты могла бы направить всю свою кипучую энергию. Чего-то, связанного с виктимологией. Мне кажется, это могли бы быть занятия для девочек, пострадавших от насилия. Я давно уже обдумываю такой проект; может быть, мы с тобой смогли бы этим заняться, – осторожно проговорила Альба.

– Не очень поняла твою мысль.

– Я хочу создать профилактическое подразделение, сотрудники которого будут ходить по школам. Начнем с Алавы. У меня солидная должность и множество связей, все это поможет. Наша задача – не допускать жестокого обращения с детьми где бы то ни было: ни дома, ни в школе, ни на кружках. Надо работать с учителями, чтобы они не зевали и вовремя замечали любые тревожные сигналы. Воспитывать мальчиков, чтобы они не выросли ревнивцами, соб-

ственниками или мачистами; учить девочек самоуважению, чтобы они не становились жертвами насилия. Проводить беседы, читать лекции, организовать курсы самообороны для старшеклассников... Что скажешь?

Эстибалис улыбнулась: казалось, она была где-то далеко. Мысленно она перенеслась в свою деревню у подножия Горбеа. Девочка, которой она когда-то была, улыбнулась в ответ, свернувшись клубком под одеялом. Возможно, ей больше не придется звать на помощь Кракена.

14. Пляж Портио

21 ноября 2016 года, понедельник

Рано утром мы с Эстибалис отправились в Кантабрию. Нам предстояло нанести два визита.

Эсти сидела за рулем. На самом деле я уже чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы водить автомобиль; я попробовал сесть за руль в первую же неделю, когда вернулся в Вильяверде в отпуск. Да, я утратил способность общаться с людьми, но мне не хотелось быть обузой для дедушки и Германа, поэтому я целыми днями разъезжал среди полей между Вильяверде и Вильяфрия, поднимая пыль на своем «Аутлендере», несмотря на то, что правая сторона тела слушалась плохо и было сложно переключать передачи. Но, как и любой автоматический процесс, все наладилось благодаря регулярной практике.

Тем не менее я еще не отваживался отправиться в путешествие за пределы Алавы, поэтому патрульную машину вела Эсти.

Я ввел в GPS данные МАК, Музея археологии Кантабрии, владельцев которого знал лично. Я хотел поговорить с Гектором дель Кастильо, историком, который управлял этим частным музеем.

Тасио не занимался своей профессией несколько десятилетий – слишком долгий срок, чтобы добыть всю необходимую информацию. Я знал, что Гектор поможет.

Он никогда не отказывал.

Я ему доверял.

Договорились мы и о встрече с инспектором Пабло Ланеро, он же Пауланер. Мы должны были явиться к нему днем и обсудить, как будет проходить наше сотрудничество в расследовании.

Мы миновали Бильбао, затем проехали Кастро-Урдьялес и Ларедо, обогнули бухту Сантандер и Эль-Астильеро и, достигнув Санта-Крус-де-Безана, свернули в сторону Лиенкреса. Оттуда направились к пляжу Портио на берегу Коста-Кебрады, месту, которое я знал слишком хорошо. Почти на краю крутого обрыва возвышалось внушительное красное здание, в котором в XIX веке жил маркиз де Моуро, разбогатевший в Америке. Его инициалы все еще красовались на деревянных воротах.

Припарковав автомобиль у газона, Эстибалис выскочила наружу и замерла в восторге. В этих краях всегда было очень ветрено, однако суровый скальный пейзаж, будто вырубленный топором, и вид на «урры» – так называют жители Кантабрии утесы в нескольких метрах от берега – производил сильнейшее впечатление.

– Вау... – воскликнула Эсти, подойдя к краю обрыва.

– Да, – согласился я. Это слово я мог произнести без особого труда. «Д» – язык упирается в зубы, и «А» – вздох, похожий на шелестение ветра.

Эсти перевела на меня восторженный взгляд; думаю, ей нравилось быть непосредственным свидетелем моих речевых успехов.

Я с наслаждением вдыхал насыщенный селитрой воздух, несмотря на порывы ветра, слишком теплого для ноябрьского дня, и тоскливое предчувствие, что с минуты на минуту пойдет дождь.

Множество воспоминаний обрушились на меня как волны, стоило мне вернуться на этот берег, такой значимый для меня много лет назад. У меня было незавершенное дело с богом этого моря. Пару десятилетий я старательно избегал его вод: Бискайский залив стал для меня угрожающим и зловещим местом.

Мне не хотелось, чтобы Эстибалис заметила мое состояние.

Она ничего не знала.

Совсем ничего.

Я ей не рассказывал.

Мне было досадно, очень досадно знать, что Лучо поделился кое-какими подробностями с Энеко, Эгускилором.

В этот момент рядом с нашей машиной припарковалась еще одна, и из нее тяжело вылез Пауланер. Он сильно располнел за прошедшее время и казался еще более неуклюжим. К тому же отрастил смешную бородку без усов, окаймлявшую нижнюю челюсть, и его сходство с пивным монахом¹⁶ только усилилось.

– Дорогой Унаи... – Он заключил меня в объятия. – Как я рад снова тебя видеть!

Я что-то промычал в ответ и подвигал бровями, чтобы выразить: «Я тоже очень рад». Бывший инспектор бросил на меня испуганный взгляд.

– Ого... точно, ты же говорить разучился. Я про это слышал. Мне жаль, парень. Очень жаль.

Я пожал плечами и улыбнулся, скрывая смущение. Мне не нравилось видеть, как мой недостаток действует на тех, кто меня любит. Я сразу вспоминал, каким же был трусом, не сделав за несколько месяцев ничего, чтобы восстановить речь.

– Я инспектор Гауна, – Эстибалис протянула руку.

– Приятно познакомиться, инспектор. Заботьтесь о моем товарище, в наших краях его очень ценят, – сказал он и похлопал Эсти по спине, да так, что она едва не упала.

– Непременно, инспектор. Непременно, – она улыбнулась.

– Итак, нас ждет разговор с Гектором дель Кастильо. Кстати, я очень благодарен вам за то, что вы раскрыли дело о краже Кабарсенского котла. Пресса писала об этом очень осторожно, но когда исчезает такое знаковое произведение, начальство готово нас по стенке размазать.

– По правде говоря, мы предпочли бы найти котел при других обстоятельствах, – заметила Эстибалис. – Ах да, и поблагодарите вашего коллегу за отчет о девушке из Фонтибре.

– Это наш долг, – Пауланер кивнул с довольной улыбкой, почесывая бороду. – Да, он что-то рассказывал мне об этом старом деле, но я тогда им не занимался.

– Надеюсь, Гектор дель Кастильо сообщит нам что-нибудь важное, – сказала моя напарница.

Мы переступили порог отреставрированного здания и поднялись на четвертый этаж, где располагался кабинет Гектора. Накануне, когда мы с Эстибалис решили, что надо съездить в Кантабрию, я написал ему письмо, и Гектор не замедлил любезно ответить.

Когда мы вошли в кабинет, он стоял у окна спиной к нам, любуясь великолепным видом. Затем приветливо и спокойно посмотрел на меня и шагнул навстречу.

Гектор был на несколько лет старше меня, а неизменный строгий костюм добавлял ему солидности. Невысокого роста, светлые волосы, карие глаза, квадратная нижняя челюсть и учтивые манеры. Ответы его звучали продуманно, и, казалось, ничто не может выбить его из колеи. Я знал о познаниях Гектора в археологии и хотел услышать его мнение относительно того, что случилось в туннеле Сан-Адриан.

– Инспектор Ланеро... – Гектор с улыбкой приветствовал Пауланера. – Инспектор Айяла, вы не представляете, как я рад снова вас видеть! Добро пожаловать в наши края!

Мы тепло пожали друг другу руки.

В первый момент он не заметил моей афазии, и Эсти пришла на помощь, прежде чем мы оба почувствовали неловкость.

¹⁶ «Пауланер» – немецкая пивоваренная компания, расположенная в Мюнхене. Основана в 1634 г. монахами ордена Минимы (немецкое название ордена – Пауланер). Немецкое название ордена происходит от имени его основателя, Франциска из Паолы; его изображение находится на логотипе «Пауланера».

– Я инспектор Эстибалис Руис де Гауна, можете называть меня инспектор Гауна. Я возглавляю расследование, в котором был задействован предмет, украденный из вашего музея: Кабарсенский котел. Инспектор Айяла – один из наших экспертов; сейчас он выздоравливает от афазии, к которой привела черепно-мозговая травма, полученная в ходе предыдущего дела. Вот почему он не сможет с вами говорить.

– Можешь обращаться ко мне на «ты», не такой уж я старый, – спокойно ответил Гектор, приглашая нас сесть на свободные стулья перед огромным ореховым столом, пока сам устраивался в кожаном кресле. – Я слышал о травме инспектора Айялы, однако предпочел не затрагивать эту тему, когда вчера он со мной связался. В последние месяцы средства массовой информации только и говорили, что об убийствах в Витории. Скажи, инспектор Айяла, как тебе удобнее с нами общаться.

«Я пишу на мобильнике, показываю экран, ты отвечаешь», – быстро набрал я, и Гектор улынулся.

– Значит, вся надежда на костыли, – пробормотал он. – Как тебе угодно, инспектор. Пусть будет.

– В пятницу наш полицейский участок связался с вами и директором Музея древней истории, чтобы сообщить, что украденный предмет найден. Следственный отдел и наш департамент исторического наследия ведут переговоры с техниками, и как только полицейский участок Витории получит все данные, необходимые для текущего расследования, котел вернут и грамотно отстранируют, – начал Пауланер.

– Все верно, – подтвердил Гектор.

– Инспектор Ланеро представил нам отчет с твоим заявлением и заявлением сотрудников, поэтому мы не будем касаться этой темы, – продолжила Эсти. – Насколько я знаю, предмет был помещен в витрину временной экспозиции, посвященной кельто-иберийской культуре на Кантабрийском карнизе. В зале, куда он был помещен, нет камер видеонаблюдения. Я знаю, что ты передал коллегам записи с камер, висящих у входа в здание, но ничего необычного на них не обнаружено: только посетители и сотрудники. Были взяты отпечатки со всех оконных рам, через которые мог выйти вор или воры, но совпадений с преступниками, задержанными за аналогичные преступления, не найдено.

– Так и есть. Этот музей основала моя семья, и финансируется он из фонда моего покойного брата, Хайро дель Кастильо, который при жизни был известным меценатом. Мы не можем рассчитывать на финансирование, получаемое государственными музеями, поэтому система безопасности ограничивается камерами у входа и охранниками, которые дежурят в дневное время. У нас нет сотрудников, работающих по ночам, да мы никогда в них и не нуждались. Особенно прискорбно, что украли именно эту вещь: я, как кантабрийский историк, испытываю к ней особые чувства, к тому же котел нам временно уступил Музей древней истории Кантабрии, и мы оказались в очень неудобном положении. Вы не представляете, какое облегчение мы почувствовали, когда его нашли! Но раз из Витории приехали два инспектора отдела уголовного розыска, его пропажу наверняка сопровождали какие-то тревожные обстоятельства... Я так понимаю, вы хотите обсудить их со мной?

Я кивнул. Гектор оказался человеком проницательным, с панорамным взглядом на события.

– Предмет нашего разговора строго конфиденциален, мы делимся секретной информацией. Судья объявил о тайне следствия, – вмешалась Эстибалис.

– Я все прекрасно понимаю; можете рассчитывать на мое благоразумие. Так для чего они использовали котел? – внезапно спросил он, ожидая ответа с явным нетерпением. – Неужели для водного ритуала?

– Что, простите? – переспросила Эсти.

– Я спрашиваю, не использовался ли котел в ритуале, связанном с водой.

«Мы не знаем, проводился ли ритуал, но тело мы нашли возле котла», – написал я и показал ему.

– Подвешенное за ноги к ветке дерева?

– Возможно, – перебила Эстибалис, растерянная не меньше моего.

Пауланер заворочался в кресле.

Гектор озабоченно посмотрел на нас и поднялся с места. Подошел к книжным стеллажам, осмотрел полки, заставленные тяжелыми томами по истории, и наконец положил перед нами раскрытый на нужной странице археологический атлас с цветным изображением котла, похожего на Кабарсенский, но более затейливого.

– Это Гундеструпский котел, найденный в тысяча восемьсот девяносто первом году в Дании. Обратите внимание на серебряное тиснение: это Таранис, бог-отец, погружающий воина в котел.

Мы с Эсти увидели внушительную фигуру, которая держала человека за ноги и явно намеревалась сунуть его голову в какой-то сосуд.

Гектор перевернул страницу и показал еще один похожий рисунок: фигура на нем держала на этот раз два котла.

– Более конкретный пример – диадема Моньес, найденная в Астурии в девятнадцатом веке. Она также относится к кельтской культуре – в данном случае к третьему – первому векам до нашей эры. На ней изображен искупительный обряд, связанный с плодородием. Вода как символ семени, порождающего жизнь.

– Это как-то связано с культом Матр?

– Трех Матерей? Конечно, культ Матр был широко распространен по всей области кельтского влияния, например, здесь, на Кантабрийском карнизе. Со временем римляне переиначили этот культ, превратив котел в вотивный¹⁷ жертвенник.

– А есть какая-то причина, по которой этот ритуал следует проводить в туннеле Сан-Адриан?

Гектор задумался.

– Древняя часовня, стоявшая на месте нынешней, была возведена в честь Святой Троицы, поэтому баски называли ее «Сандрати», или «Сантатрия», затем стали называть «Сан-Адриа» – видимо, так записал это слово тогдашний местный писарь, и, наконец, «Сан-Адриан». Триада, Матры... да, все сходится. Выбор места мне понятен. Тройной элемент очень характерен для кельтской культуры. Кроме того, в точке, где начинается Алава, есть доисторический курган под названием Гора Повешенного – там вешали разбойников, которые скрывались в горах, поэтому со временем его стали называть Границей Злодеев. С другой стороны, ходили слухи, что в туннеле есть водные траншеи, ведущие к другим местам поклонения, и в Зегаме¹⁸ действительно были найдены алтари, посвященные Матрам.

– Да, – произнес я вслух. Не знаю почему, но с Гектором я не чувствовал той неловкости, которая мешала мне в присутствии посторонних. – «Мы про это знали», – поспешил пояснить я письменно, поскольку мое «да» прозвучало слишком глухо и невнятно.

Гектор сделал вид, что не замечает моих вокальных усилий.

– А как же Фонтibre? – спросила Эстибалис. – Годится ли он для подобного ритуала?

– Фонтibre, Фонтес Иберис, ложные источники Эбро, как называл их Плиний Старший. Здесь то же самое – вода, нимфы, кельтские богини... Как вам известно, культ этих вод сохранился до наших дней. Сейчас это богородичный культ – верующие привязывают в устье реки

¹⁷ Вотивные предметы, вотивные дары – различные вещи, приносимые в дар божеству по обету, ради исцеления или исполнения какого-либо желания.

¹⁸ Зегам – город и муниципалитет в автономном сообществе Страны Басков.

цветные ленты. Однако вряд ли он сильно отличается от ритуалов прошлого. Такие же цветные ленты кельты повязывали и на священных деревьях вокруг жертвенника.

Я слушал Гектора, все еще размышляя о его словах об «искупительных обрядах».

«Гектор, – написал я на экране, – есть один факт, о котором ты до сих пор не знаешь. Дело в том, что обе женщины, убитые в Сан-Адриане и в Фонтибре, были беременны. Не представляю, как это сочетается с очистительным обрядом плодородия».

Его лицо изменилось, в карих глазах мелькнул подлинный ужас.

– Беременны?.. В таком случае обряд истолковывается по-другому. Вы говорили, что женщины были подвешены... Могу предположить, что, несмотря на ваши усилия максимально скрыть информацию о следствии, головы этих женщин находились внутри котла или, как в Фонтибре, в речной воде. Задам вам только один вопрос: их сожгли?

– Сожгли? – испугалась Эстибалис. – Нет, об этом нам пока ничего не известно. Правда, у нас нет результатов вскрытия одной из них и мы не получили отчет по второй. А откуда такой вопрос? При чем тут сожжение?

Гектор снова встал. Его беспокойство передалось и мне.

– Потому что в этом случае речь идет о кельтской Тройной Смерти, первоначально именуемой *threefold death*: утопить жертву, повесить ее и сжечь – иногда порядок варьируется. Прочтите это, – сказал он и протянул нам небольшую книгу в кожаном переплете, настолько захватанном и потертом, что я задал себе вопрос, когда она была издана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.